Мили до тебя

Автор:
Ольга Тимофеева

Мили до тебя

Ольга Тимофеева

Эмили: Я мечтала забыть о нем. Десять лет. Тот срок, за который можно было это сделать. Но он ноющей занозой напоминал о себе день ото дня. Он – вирус, что поселился во мне, а сердце так и не выработало антитела, чтобы вытравить его.

Рональд: Вся моя жизнь – это скорость на сверхзвуковых скоростях. Мнимая счастливая семейная жизнь и бесстрашие перед опасностью. Я забыл о ней на десять долгих лет. Сравнял тогда с серой массой таких же пустышек. Но она сделала невозможное. Заставила вспомнить. Думать о ней. Воскресила меня, чтобы потом – убить.

Десять лет назад страсть подтолкнула их друг к другу, но амбиции и предательство, казалось бы, навсегда развела в разные стороны. Сейчас она – военный врач, он – летчик-истребитель. У каждого своя семья, но судьба снова сводит их на авиационной базе, чтобы разобраться с прошлым и вернуть друг другу настоящее.

Ольга Тимофеева

Мили до тебя

1 миля над землей. Эмили

Мой внутренний фундамент давно треснул. Дай я слабину сейчас, хоть на миг, я бы окончательно сломалась. И все, ради чего сделала тот выбор, рухнуло бы моментально, окончательно лишая того, что и так принадлежало мне. Погрузило бы навсегда во мрак безысходности и апатии.

Условия сделки обязывали меня стремиться к совершенству. Профессионализму. Оттачивать навыки день за днем, полностью отдаваясь учебе, потом хирургической практике. За два года после окончания учебы я достигла того, чего некоторые добиваются лет десять. Не последнюю роль, конечно, сыграл отчим, договариваясь с лучшими врачами и клиниками для стажировки.

Сейчас, в полумраке и тишине нового кабинета, освещенного только настольной лампой, я заполняла карточку летчика. Всего более тридцати пилотов, и медицинскую историю каждого мне надо было изучить.

Два дня, как я прилетела сюда, на авиационную военную базу Калабосо, расположенную в Венесуэле, срочно сменив работавшего до меня хирурга. Три с половиной тысячи километров до Вашингтона. Новая страна, очередная война. Бездушная. Жестокая. Расправа с теми, кто готов ради денег и власти терзать человеческие тела, желая подчинить своей воле сначала город, потом страну. Континент. Весь мир. Не спросив согласия и намереваясь напичкать каждого наркотой, превращая в бесправных рабов.

Ненавидела войну. Ненавидела боль. Моей страстью была хирургия. Возможность дать человеку жизнь и шанс исправить глупые ошибки. Принять верное решение. Признаться в любви или навсегда уйти. Верила, что опытный врач всегда знает свое дело. Лишь пациент где-то на уровне подсознания сам принимает решение, жить после операции или умереть.

Место работы – это отдельный мир, в котором проводишь, как минимум треть жизни. Трехэтажное здание госпиталя внешне выглядело обшарпанно. Увидев его впервые, представила, что внутри ждут грязь, бардак, насекомые. Но, переступив порог, поняла, что влюблюсь в это место. Идеально чистое и светлое. Оборудование, инструменты – все, как в лучших клиниках.

Каждый в госпитале стремился как можно скорее ввести меня в курс дела, наивно полагая, что я слишком молода и неопытна для такой работы. Придется очередной раз доказывать и показывать, на что я способна.

Помимо основной работы военного хирурга я успела получить квалификацию авиационного врача. И сразу же на меня возложили дополнительные обязанности по предполетной проверке летчиков. Ничего особенного: измерить давление, температуру, пульс и исключить употребление алкоголя. На практике это может делать любой специалист, но поручили мне.

Очередной вылет самолетов для атаки боевиков предстоял сегодня ночью. Я сидела допоздна, ожидая летчиков на осмотр. Шестеро уже отметились и получили справку с разрешением. Оставался седьмой, который задерживал меня и этим немного злил. Я могла бы уже пойти в свою комнату, принять душ и пораньше лечь. Никогда точно не известно, когда получится спать следующий раз. Это война. А где война, там раненые и бесконечные операции. Чтобы не терять зря время, принялась составлять отчет по израсходованным лекарствам.

Внимательно выписывала в отдельные колонки данные, сверяя с еще одной таблицей, пока ожидала последнего летчика. Наконец услышала два ритмичных, глухих стука. Не успела ничего ответить, как раздался скрип открывающейся двери. В кабинет из коридора мгновенно проникла полоска света, донесся грохот из коридора. Сосредоточенная на сверке цифр, я не могла сейчас отвести взгляд от них. Это было бы равносильно провалу, и пришлось бы начинать все заново. А мне нужна всего пара минут, чтобы закончить.

– Здравствуйте, – услышала уверенный мужской голос. Тембр будто знакомый.

– Здравствуйте, пилот? – переспросила, не поднимая голову и не отрываясь от цифр.

– Летчик, – поправил меня мужчина. Еле заметно усмехнулась. Я знала, что пилоты водят гражданские самолеты, а летчики – военные. Но обычно на эти детали немногие обращали внимание. Кроме тех, кто хорошо знает свое дело и видит разницу.

– Проходите, присаживайтесь, я сейчас освобожусь, – сразу ответила, стараясь не отрывать глаза и не сбиться.

Мужчина закрыл за собой дверь, вновь погружая кабинет в тишину и полумрак. Неспешной уверенной походкой направился ко мне. Сел на стул напротив, откидываясь на спинку, и сложил руки на груди. Не задавал лишних вопросов.

Терпеливо ждал.

Досчитывала на калькуляторе числа, пытаясь не сбиться. Ощущала на себе пристальный взгляд. Он неспешно пробежал по лицу, оставляя жгучие следы, и оно начало предательски гореть. Откликнулось. Пыталась держать ровным дыхание, чтобы не выдать непонятное волнение. Боковым зрением подметила, что парень облокотился о стол, отчего тот противно скрипнул, нарушая тишину. Летчик немного наклонил голову, не отводя от меня глаз. Старался разглядеть лицо. От нахального взгляда стало неприятно и некомфортно. Словно голодный зверь нашел легкую добычу. Как бы не так. Я не для интрижек и романов сюда приехала.

Не понимала, как он так легко смог вывести меня из равновесия. Я, такая хладнокровная на операциях, потеряла самоконтроль перед каким-то парнишкой от одного взгляда. Минуты томительного молчания. Аромат. Что-то специфическое. Запах свежести с нотками терпкости, придающие свободу, независимость, уверенность обладателю. Хотелось его увидеть, узнать кто, но одновременно страшно поднять глаза и снова случайно попасть в зависимость от мужчины. Нет. Нет. Черт. Нет. Не хочу. Не стесняясь, закрыла глаза и глубоко задышала. Сквозь пелену услышала два слова.

– Эмили Уотсон?

Больно. До презрительной ярости и ядовитого гнева в меня вонзился этот голос, освежая в памяти воспоминания и образы. Этот чертов хрипловатый баритон, заставляющий дрожать вены! По икрам предательски пробежала дрожь, молниеносно поднимаясь по телу, распространилась на грудь и руки. Как же я его сразу не узнала? Продолжала делать вид, что считаю. Во рту пересохло. Язык словно стальной. Не могла поднять и сглотнуть. Мысли путались, перемешивая цифры. Черт, все придется пересчитывать заново. Тело предательски откликалось каждой клеточкой. А должна была забыть. Отвыкнуть. Не реагировать. Надеялась больше никогда в жизни его не встретить, чтобы не убить или не отомстить. Ради этого после школы даже переехала с родителями в другой город, но судьба распорядилась по-другому, вновь сталкивая нас. Сделать вид, что я все забыла или причинить боль похлеще той, что сделал он?

Усмехнувшись, я, наконец, осмелилась оторвать глаза от бумаг и перевести на него, встречаясь с темно-шоколадным взглядом.

– Рональд Кейден? – выдержав паузу, спросила. Хотя и так знала, кто передо мной. Смотрела открыто, не моргая и не улыбаясь. С нотками ненависти и презрения, чтобы только не понял мою слабость. Терять контроль, когда он рядом, и действовать под напором эмоций.

Ох, черт. Как же он изменился. От старшеклассника остались лишь глаза цвета горького шоколада, отравившие когда-то мое сердце. И губы, вкус которых я уже забыла. Теперь он стал крепче, взрослее и еще притягательней. Копна темных волос сменилась коротким ежиком. Некогда гладко выбритые щеки теперь покрывала легкая щетина. Но больше всего меня смутили руки. Некогда обнимавшие меня, теперь обнимали другую. Ту, которая надела на его безымянный палец обручальное кольцо.

Ладони и пальцы сковал холодный липкий пот. По спине пробежал озноб, обнажая старые раны. Мои страдания, попытки забыть его в то время, как он наслаждался жизнью, хорошел, женился и заводил детей. Чертов отец семейства.

– Не ожидал тебя тут увидеть, – первым разрушил молчание Рон, внимательно изучая меня. Пытался что-то для себя понять, но я закрытая книга для него. Не впущу больше в свою жизнь. Никогда. Ни под каким предлогом. Устою и не поддамся соблазну, который обволакивал меня. Струился вдоль тела, будоража каждый уголок. – Ты же вроде хотела стать детским врачом? – прищурился, не сводя глаз. Хотел узнать мою историю. Только она окажется слишком жестока для него. Ни к чему ворошить прошлое.

– Хотела… – отвела, наконец, взгляд и постучала колпачком ручки о столешницу. Рассказать о том непростом выборе, который пришлось сделать? Из-за одного человека поменять планы. И вызвать к себе жалость? Никогда. Пожала плечами и пристально, с нотками ненависти, вновь встретилась с его глазами. Если бы я только могла отравить, перекрыть кислород, сжечь его, сделала бы это не задумываясь. Ни о чем не жалея. – Планы поменялись, – не отрывая взгляд, холодно ответила на его вопрос. Не говорила напрямую, но хотела, чтобы он чувствовал, что причастен к этому. – И я стала военным врачом. – Рон чему-то ухмыльнулся, но промолчал. Будто понял мой намек. Но у него на этот счет была своя версия. – А ты, значит, стал летчиком? – спросила просто так. Ведь со школы знала, как он грезил небом и полетами.

– Да, и сегодня у меня вылет, – сдержанно ответил он, откинувшись на спинку стула. – Давай уже, поставь мне печать, мне надо собираться в полет, – кивнул, отдавая приказ.

Только мне он не начальник, чтобы приходить и указывать. Все будет сделано по правилам и не спеша. Находиться в такой опасной близости с ним было рискованно, но сегодня меня разъедала злость. За то, что встретила. За то, что придется работать с ним вместе. За то, что тело так реагирует на него.

Рон расслабленно ожидал, когда я закончу. Оставалось только поставить печать: «ВЫЛЕТ РАЗРЕШЕН» и отпустить его на все четыре стороны. Но я не спешила. Что-то останавливало. С одной стороны, ненавидела его жутко. Раздражали самоуверенность и довольный вид. Вел себя, как главный. С другой – чувствовала ответственность за его жизнь. А вдруг этот полет будет последним? Не успею высказать ему все, что накопилось за эти годы. Все, что думаю о нем. Под действием противоречивых эмоций черкнула в справке пару строк. Взяла печать и, оставив оттиск, сложила лист вдвое и отдала парню.

Рон, не открывая справку, убрал ее в нагрудный карман.

– Еще увидимся, Эмили, – произнес, вставая из-за стола. Смотрел открыто. Ждал ответа.

– Не думаю, что хочу этого, – выдала в ответ, он же нагло ухмыльнулся и прикусил губу. Почувствовала, как тело напряглось, но вида не подала. Видела, что он знает, почему я так говорю. Молча развернулся и пошел к двери. Мгновение – и исчез из кабинета.

Глубоко выдохнула. Вернулась в реальность. Что я делаю? Он как наркотик, затуманил голову. Обнажил мои эмоции. Сама не понимала, зачем это сделала.

Схватила сумку и быстро, без разбора сгребла все вещи в нее. Выключила настольную лампу и, не переодеваясь, выбежала в коридор, захлопнув за собой дверь. Сердце гулко стучало. Огляделась по сторонам. Только бы не встретиться с ним. Поспешила к себе в комнату. Стыдно быть пойманной сразу. Хотела, чтобы он оказался в неловкой ситуации. Когда строишь планы, а кто-то – щелк пальцами. И ты уже не принадлежишь себе.

Выбежала из отделения, где находится ординаторская и палаты с больными. Напротив крыло реанимации и операционные. Но я свернула направо, к лестнице. Побежала выше. Второй этаж. Диагностическое отделение и узкоспециализированные врачи. Игнорируя, поднялась еще. Начала часто дышать, справляясь с одышкой. Вот и третий этаж. Последний. Весь персонал живет тут. Мгновенно преодолела расстояние до двери своей комнаты, на ходу нащупывая ключ в сумке. Обернулась еще раз убедиться, что меня никто не преследует, но в коридоре тишина. Одним движением открыла замок. Оказалась в своей комнате и захлопнула дверь. Медленно сползла, прислонившись к ней спиной. Откинула голову назад. Глубоко дышала, восстанавливая дыхание. Рот постепенно довольно расплывался в улыбке. Представляла лицо Кейдена, когда он увидит в листе разрешения отметку «ВЫЛЕТ ЗАПРЕЩЕН».

Успокоившись и восстановив дыхание, только сейчас начала понимать всю безответственность моего поступка. Возможно, сейчас я подрывала план какой-то крупной операции. Намеренно срывала вылет, в котором он был так уверен. Плевать. Не понимала, что со мной. Как он смог за пару минут вынудить меня сделать что-то неправильное? Взорвать такой поток эмоций, который не смогла сдержать. Сжимала с силой сумку, которая все еще была в руках.

Прикрыла глаза. А передо мной он. Думала, когда встречу его вновь, выскажу все. Сделаю так больно, как только смогу. Исполосую его сердце. Брошу истекать кровью, надеясь, что он захлебнется в совести. Но не смогла. Не могла сделать больно. Ненавидеть. Презирать. По щеке медленно текла слеза, оставляя очередной шрам на душе. Понимаю, что все еще люблю его. Воспоминания затирались временем. Но внутренние ощущения на каком-то животном уровне брали верх. Запретно хотеть чужого мужчину. Опасно, ведь однажды я обожглась им. Но все внутри переворачивалось от одного его присутствия. Мой личный дурман, опьяняющий мозг. Заставляющий делать глупости. Не знаю зачем. Напомнить о себе? Заставить думать обо мне? А теперь я точно надолго останусь в его памяти.

Смахнув слезы, поднялась с пола и, бросив сумочку на стул, стала раздеваться. Развесила одежду в небольшой компактный шкаф. Похоже, он специально сделан небольшим, чтобы женщины не брали лишнего. Мне повезло, пока я жила одна, хотя комната была рассчитана на двух человек. Небольшой столик, раковина для рук, две кровати и шкаф. Скромно, но довольно уютно.

Включила вентилятор, который немного помогал справиться с жарой. Не хотела выходить из комнаты и встретиться кое с кем ночью. Раздевшись, обтерлась влажным полотенцем, выключила свет и легла на кровать, натянув на себя тонкую простынь. Не могла ни о чем больше думать, раз за разом возвращаясь в кабинет. Сколько представляла и прокручивала в голове нашу встречу! А сейчас знала, что он женат, возможно, у него есть дети. Все, что я хотела сказать, теперь теряло смысл. Еще и этот дурацкий поступок. Эйфория от сделанного прошла. И я мечтала, чтобы никто не заметил моей шутки, чтобы про нее забыли. Тяжело дышать. Захочет он выяснить или проигнорирует? Даже не знаю, чего боялась больше. Оправдываться за то, что обманула. А мы оба понимаем, что я обманула. Или пропустит, и тогда это будет означать, что ему плевать и на работу, и на меня?

Продолжая крутиться на небольшой жесткой кровати, искала удобное положение. Хотелось поскорее уснуть, чтобы не думать о нем. Жестокие обрывки прошлого прерывали сон. Жара изматывает, вновь и вновь погружая в бессознательное. Сквозь неяркие картинки не связанных событий услышала стук. Не понимала откуда. Сильно зажмурилась и открыла глаза. Вокруг темнота. Нечеткие очертания мебели в отблеске уличных фонарей.

– Эмили, открывай, – ровный мужской голос. Знала, кому принадлежит. Сжала простынь, понимая, что он нашел меня раньше, чем я думала. Глубоко задышала. Боялась пошевелиться, чтобы не узнал, что я тут.

– Открывай или я высажу эту чертову дверь, – потребовал с холодной настойчивостью, пробирая до мурашек своим голосом. Боюсь до жути. Не знала, на что способен сейчас. Но и близость пугала, не могла думать трезво. Не могла быть уверенной и жесткой. Не с ним.

2 мили под небом. Рональд

Меня всегда тянуло вверх что-то необъяснимое. Невидимая сила и страсть. Все детство я провел на деревьях, строя там дома, пункты наблюдения. Представляя себя то разведчиком, то суперменом. Позже переоборудовал чердак под комнату, чтобы жить как можно выше.

Сквозь окно в крыше мог часами наблюдать за небом, облаками, пролетавшими надо мной самолетами, вспарывавшими голубое пространство, оставляя после себя белый след.

Ходить по земле – это естественно. Правильно. Заложено природой. Но те, кто поднимаются ввысь и приручают небо – они иные. Когда я взлетаю на десять миль, вокруг уже никого нет. Все остается там, подо мной – облака, люди. А в голове одна мысль – я дома.

Нас перебросили на авиабазу вблизи Калабосо, когда ранее недружественная с США Венесуэла потеряла контроль на западной границе с Колумбией. Приток наркотиков, контрабанды из этой страны, распространение террористических группировок, проводивших взрывы и поджоги в Венесуэле. Через Венесуэлу террор медленно распространялся на остальные страны Южной Америки, представлял опасность для всего континента. Действовать надо быстро. У нас было максимум полгода, чтобы помочь венесуэльской армии обезвредить террористов, потом начинался сезон дождей. Работа авиации в таких условиях затруднялась.

Венесуэльская армия предоставила нам западную часть своего аэродрома для базирования. Горы с одной стороны авиабазы и густой тропический лес с другой скрывали нас от расположенного вблизи города, позволяя сосредоточиться на службе и тренировках.

Для летчиков двухэтажное здание казарм было разделено на небольшие комнаты по два человека. Помещение маленькое, вмещало-то всего две кровати, шкаф для вещей, небольшую раковину. Душ, тренажерные залы, столовая – все находилось вне здания. И все равно это лучше, чем общие казармы, в которых жили рядовые. Тут хотя бы можно было спокойно отдыхать между длительными перелетами.

Летать на истребителе трудно и сложно психологически, поэтому между полетами я старался максимально отвлекаться от работы. Заниматься спортивными тренировками и отдыхать. В тот вечер я задержался. До сумерек играя с ребятами в баскетбол. Когда вернулся, сосед по комнате Люк сказал, что меня уже искали на предполетную проверку. Сегодня предстоял ночной вылет, к которому нужно было получить очередное разрешение.

Не переодеваясь, я направился в госпиталь. Это было самое непереносимо гнетущее место. Никто не хотел тут оказаться на столе. Никто не хотел оказаться в морге. Но и без врачей было нельзя. Госпиталь всегда на стыке подвига и страданий, жизни и смерти, здоровья и инвалидности. Будь моя воля, я бы тут никогда не появлялся, но руководство требовало перед каждым полетом проходить предполетный осмотр.

Я уже слышал, что предыдущий хирург повредил руку и его заменила женщина. Женщина на войне… Звучит как утопия. Перевязки, обработки – да, но операции… Как правило, женщины слишком эмоциональны. Им сложно контролировать чувства. А раненого всегда жалко, ведь ему больно. Мне почему-то не хотелось бы оказаться под скальпелем у женщины, чтобы в ответственный момент она думала не о пациенте, а о том, что надеть вечером.

Вошел в здание, и в нос сразу ударил специфический запах больницы. Неприятно сжались пазухи. Быстро миновав коридор, подошел к нужному кабинету. Постучал пару раз и, не услышав ответа, заглянул внутрь.

В полумраке что-то писала девушка, склонившись над столом. Медсестра какая-то, а не врач. А услышав от нее «Пилот?» и вовсе поник. Совсем молодая и неопытная. Как можно только таких брать на войну? Закрыв за собой дверь, прошел вглубь кабинета и сел напротив, ожидая пока она допишет и освободится. Невольно начал рассматривать ее руки, потом переместился на лицо. Такое ощущение, что мне были знакомы ее черты, но я никак не мог узнать.

Она же, как специально, сидела, опустив голову так, что я не мог полностью видеть ее лицо. Пришлось даже немного склониться, чтобы рассмотреть ее лучше. Когда же она специфически зажала нижнюю губу зубами и чуть втянула ее, я узнал. Яркая вспышка из прошлого. Вспомнил ту, которая так делала, когда нервничала. Черт, не думал, что мы когда-то встретимся. Избегал с ней встреч как только мог. Мне было стыдно за нее и за себя. За то, что так поступил с ней тогда. За то, что она вела себя, как все. За то, что разочаровала меня. Хоть и прошло много лет, но делать сейчас вид, что я ее не помню – глупо. Тем более все равно на карточке будет мое имя. Надеюсь, все осталось в прошлом и мы сможем работать дальше вместе, не обращая внимания на ошибки молодости.

– Эмили Уотсон? – наконец решился спросить, хотя и так уже знал ответ. Она замерла, услышав меня. Заметил, как сжались ее челюсти, будто она не рада

меня встретить. Выходит, тоже узнала. Немного помедлив, она подняла голову и пристально посмотрела на меня.

Эмили изменилась. Теперь передо мной не подросток с разгулявшимися гормонами, а уверенная в себе женщина. Почему-то мне казалось, что врачи убирают и завязывают волосы, а не распускают их. Хотя ей так шли темные струящиеся локоны, обрамлявшие лицо. Подростковая миловидность сменилась ухоженной эффектностью. Мы сидели и молча сверлили друг друга пронзительным взглядом, поглощенные своими воспоминаниями.

– Рональд Кейден? – наконец переспросила Эмили и, пробежав по мне взглядом, задержалась на руках. Заметила кольцо? Вероятно, да. Меня же интересовало, что у нее, наоборот, не было кольца. Либо она их не носила потому, что врач, либо потому, что не замужем. Как вообще она оказалась тут, ведь хотела стать педиатром?

Но она не горела желанием делиться, с неприязнью отвечая на мои вопросы. Мне даже показалось, что она молча обвиняла меня в чем-то, но разбираться с этим не было никакого желания. Я оставил все в прошлом, чего хотел и от нее. Она не спеша измерила давление, пульс и, заполнив справку, поставила печать, сложила вдвое лист и отдала мне. Запихнув разрешение в карман, вышел из кабинета.

Всегда, когда ощущаешь, что с прошлым покончено, оно словно раскаленная лава поднимается из глубин. Напоминает о себе опаляющими потоками, постепенно превращая настоящее в пепел. Создавая новую историю.

К одиннадцати я был в штабе. Получив задание на сегодня, принялся изучать его. Сверяясь с картой, продумывал план полета.

– Капитан, – обратился ко мне первый лейтенант Купер, – ваше разрешение на вылет.

Я достал сложенный вдвое листок и передал Куперу. Сам же продолжил изучать маршрут. С лейтенантом мы вместе учились в летной школе, только он выбрал направление оперативного планирования и остался служить на земле, в то время как я выбрал полеты и небо.

– Рональд, – позвал меня Купер и жестом показал подойти к нему.

Он разглядывал мое разрешение, озадаченно морща лоб. Странно все это. Что там такое, что он вызвал меня? Поднялся и пошел посмотреть, сгорая от любопытства. Купер развернул справку и положил передо мной на стол. В глаза сразу бросилась печать: «ВЫЛЕТ ЗАПРЕЩЕН».

Не веря глазам, взял бумагу. Внимательно пробежал по тексту. Звание, фамилия, должность – мои, дата – сегодня. Ничего не понимаю. Все было в порядке при обследовании.

– Этого не может быть, – сказал спокойно. Уверен, что Купер разрешит все исправить. – Она ошиблась, наверное, – положил на стол справку. – Не ту печать поставила. Со мной все в порядке. Разрешите, я уточню.

– Капитан, – покачал головой лейтенант, – вы сегодня не летите, – жестко отрезал. – Вы знаете правила.

Я знал. Знал чертовы правила. Нельзя покидать штаб, пользоваться телефоном, когда ты получил задание. Внутри готовился маленький взрыв, который точно зацепит Эмили, когда я выберусь отсюда. Значит, хочешь войны? Мог хоть сейчас обратиться к генералу и доложить о нарушении и предвзятом отношении. Будь это кто-то другой, так и сделал бы. Но сейчас хотел прежде поговорить сам и все выяснить.

– Здесь написано: «Учащенное неритмичное сердцебиение», – объяснял лейтенант. – Я не могу рисковать. Полетит, – Купер окинул взглядом оставшихся летчиков, – Сэмуэльсон, – кивнул в сторону невысокого паренька, откинувшегося на спинку стула и отдыхавшего. – А вы его проинструктируете. Приступайте, у вас мало времени. Завтра я схожу в госпиталь и разберусь. Кто производил осмотр?

– Эмили… – запнулся. Слишком лично. Не хочу, чтобы знали, что мы были знакомы раньше. Сразу поправил себя: – Эмили Уотсон.

Глубоко выдохнул. Успокоился. Сейчас займусь Сэмуэльсоном, потом найду Эмили. Хотел поговорить с ней раньше Купера. В ней проснулась маленькая

мстительница, и она думает, это сойдет ей с рук. Только сама не понимает, что выдала себя. Придется преподать урок. Поиграть на ее слабостях и показать место. Никто не смеет менять мои планы, если я что-то решил.

У Сэма много часов налета, но полетов такой сложности мало. Все, что я мог сделать, – рассказать ему нюансы и тонкости. То, как это делал бы я. Надеюсь, он справится с поставленной задачей.

Когда самолеты ближе к часу ночи взлетели, я направился в госпиталь прямиком к Эмили. Профессия обязывала уметь сдерживать эмоции и мыслить трезво. Не поддаваться на провокации и манипуляции.

Найти ее комнату не составило труда, первая же медсестра рассказала, куда ее заселили. Поднялся на третий этаж и постучал в дверь. Молчание. Не хотелось будить весь госпиталь, но надо решить этот вопрос. Раз и навсегда. Постучал громче, но в ответ услышал только тишину. Несмотря на это уверен, что она там.

– Эмили, открывай, – понял, что затаилась, словно загнанный зверек. Скорее всего, понимала, для чего я пришел. Постучал. Настойчиво. За дверью тишина. Чего же ты боишься? Вспомнил, как сидела там, в кабинете. Ерзала на стуле. Боялась глянуть на меня. Повышенного внимания, что ли?

– Открывай или я высажу эту чертову дверь, – повысил голос и с силой дернул ручку, показывая свою решительность.

Дверь заперта. Не хотелось, конечно, в полвторого ночи исполнять свою угрозу и будить весь этаж. Потом меня точно могут отстранить от полетов для обследования. Я в очередной раз занес руку, для стука, но услышал позвякивание ключей и щелчок открывающегося замка. Усмехнулся тому, насколько она предсказуема. Страх посвятить в наше знакомство весь госпиталь одержал победу.

Она приоткрыла небольшую щель. В темном дверном проеме виден силуэт Эмили. Она выглядывала испуганно и не спешила меня впускать. Только я хотел, наоборот, поскорее скрыться из коридора, чтобы не попадаться лишний раз на глаза посторонним.

Сделал шаг и без приглашения попал внутрь. Захлопнул не глядя дверь и нащупал выключатель. Привычное движение, и комната наполнилась светом. Эмили машинально зажмурилась от яркой вспышки, ослепившей ее. Прикрыла одной рукой глаза. Второй придерживала обкрученную вокруг тела простыню. Пока щурилась, могу рассмотреть ее. По оголенным плечам понял, что под тканью ничего нет. Взял за предплечье, касаясь влажной, горячей кожи, и отвел к кровати.

– Садись, – приказал строго. Не дал возможности сказать что-то дружественное и приветливое. Взял стул, усаживаясь напротив. Ждал, когда она привыкнет к свету. Хотел видеть лицо. Понимать, врет или говорит правду.

– Объясни, почему ты запретила мне вылет? – Эмили убрала руку. Не спеша подняла голову. Смотрела открыто и уверенно. Надолго ли хватит твоей решительности?! То, что я подготовил, покажет твои слабости и вывернет наружу раны.

– По медицинским показаниям, – вздернув кверху носик, пыталась держаться убедительно. Но частое дыхание выдавало ее. Волновалась.

– По каким конкретно? – уточнил, зная, что детали сбивают еще больше.

– Я все написала в справке, – пыталась оправдываться. Значит, начала сдаваться.

– Ты соврала. Не было у меня никакого учащенного сердцебиения. Со мной все было отлично. – Щеки Эмили покрыл легкий румянец. Пыталась что-то возразить. Специально перебил и напал. – Ты ведешь себя как ребенок, как та школьница, которую я знал. Затаила обиду и теперь будешь припоминать это. Забудь то, что было десять лет назад. Продолжения не будет, все закончилось. И не надо привлекать мое внимание таким способом. Это война, а не школьная дискотека. Если ты еще не выросла из этого уровня, то что тут делаешь? Кто ты вообще такая, чтобы указывать мне, что и когда делать? – Наступал, не даю времени опомниться и оправдаться. Хотел вывести из себя. – Ты вообще чем думала, когда это делала? Теперь вместо меня на задание полетел совсем молодой парень. Поверь, у меня задания обычно нелегкие. И если с ним что-то случится, – направил в нее указательный палец, – это будет на твоей совести. – Взгляд скакал быстрее истребителя. Жутко боялась представить эту картину.

Ждал, когда решится. Подняла наконец глаза.

– За каждый свой диагноз и действия я могу ответить и доказать правильность, – повысила голос. Ей все сложнее удержать эмоции. – И я тебе не за что не мщу. Мне плевать на тебя, прожила как-то десять лет без тебя, проживу и дальше. – Усмехнулся ее словам. Она убеждала в них скорее себя, а не меня. – Тебе нельзя было лететь по состоянию здоровья, и мне больше нечего дополнить. Уходи, – кивнула в сторону двери, – мне завтра рано вставать. Смотрит смело и думает, что напугала меня своими словами.

– Я сам решаю, когда мне уходить, – холодно ответил и поменял тактику. Играл не по правилам. Жестко и откровенно. Уверен, она не привыкла к такому, но это покажет ее слабые стороны.

Встал со стула, но не ушел, а присел перед ней на корточки. Плечи Эмили сразу начали чаще подниматься и опускаться вслед за участившимся дыханием. Опустила глаза. Нервно сглотнула. Аккуратно заправил прядь мягких темных волос за ухо, слегка касаясь кончиками пальцев кожи на лице. Неспешно наклонился к плечу. Втянул ее цитрусовый аромат. Двигался медленно к шее. Чувствовал, как пульсирует вена на шее.

В следующий миг приблизился к ней. Застыл в нескольких дюймах от губ. Эмили слегка приоткрыла их, желая меня. Хотела, чтобы поцеловал. Знал теперь ее слабость.

Говоришь, плевать на меня?!.

3 мили над землей. Эмили

Я надеялась, что этап моей жизни, связанный с ним, закончился. Оборвала все нити, общих друзей, поменяла номер телефона. Думала, между нами навсегда выстроена глухая стена. Ни единой возможности встретиться и поговорить. Мечтала оставить в прошлом то, что и так принадлежало прошлому. Вычеркнуть из памяти этого человека. Но все имеет свою судьбу. И наша снова подталкивала нас друг к другу. Зачем? Я догадывалась зачем, но это будет слишком тяжело

для нас обоих.

Он обрушивал на меня тонну своего негатива и недовольства. А я усиленно пыталась вспомнить, почему я его ненавижу. Ведь каждый волосок на моем теле встает дыбом от его голоса и ощущения того, насколько он близко. Пыталась что-то возражать, оправдываться, но тут, рядом с ним, тело предавало меня, покрываясь мурашками от одного взгляда в мою сторону. Он требовал ответа, почему я так сделала, а я не могла сказать правду.

Когда Рональд встал, облегченно выдохнула. Уходит. Наконец-то понял, что я не собираюсь ничего рассказывать. В следующий момент сел напротив меня на корточки. Замерла. Боялась и одновременно хотела того, что он делает. Смотрел в глаза. Без фальши и злобы. Перестала дышать, чтобы не испортить момент. Наклонился к плечу. Почувствовала жгучее дыхание. Скользнул к шее. Смаковал каждый дюйм меня. Неправильно. Но не могла остановить. Окутал своими чарами. Сделал безвольной и слабой. Превратил в статую. Замерла. Боялась шелохнуться. Он в паре дюймов от моего лица. Рассматривал. Не мог на что-то решиться. Слегка повернул голову и не спеша приблизился к моему уху. Так близко, что я ощущала его дыхание. Эти десять лет словно сдуло одним его выдохом, растворяя их во времени. Будто это был один миг. Взмах ресниц, а не чертова вечность. Почему я сейчас все бы отдала, чтобы почувствовать касание его губ? Требовательных рук. Тяжесть его тела.

– Ничего подобного, – хрипло прошептал, – тебе не плевать на меня, и ты до сих пор думаешь обо мне. Но я не твой, – моментально отрезвил своими словами. Схватила жадно воздух. Голова закружилась. Спрятала за стиснутыми зубами обиду и рвавшиеся наружу слезы. Отодвинулся от меня, рассматривал лицо. Хотел увидеть триумф надо мной. Ощутил его и усмехнулся. – Увидела кольцо, – помахал перед лицом пальцами, – и психанула. Вот почему ты так сделала с печатью. Это так по-детски, Эмили. Ты словно школьница, примитивными методами пытаешься подцепить мужчину, – ехидно кивнул в сторону кровати, – чтобы кто-то согрел твою постель.

Что?! Неожиданно для себя занесла руку и влепила ему пощечину. Ладонь обожгло соприкосновение с кожей. Парень дернул в сторону голову и погладил покрасневшую щеку.

Он не смеет так говорить, он ничего про меня не знает. Кейден перешел границы, и весь выстроенный хрустальный трон, на который я его вознесла,

рухнул, рассыпаясь на осколки, больно вонзаясь в мою душу.

– Это лишь доказывает, что я прав, – вызывающе произнес он.

Сейчас я окончательно убедилась, что между нами никогда ничего не будет. Стоило ждать десять лет, чтобы понять это. К горлу подступила невыносимая жгучая боль, опаляя накопившейся злостью гортань. Нельзя соединить прошлое с настоящим, чтобы не было шрама. Всегда найдется то, чем можно упрекнуть.

– Проваливай, – выдавила сквозь зубы.

– В знак старой дружбы я не пойду жаловаться на тебя и твою выходку, – вставая, ответил он, – но если выкинешь что-то еще, узнаешь, на что я способен, Эми, – произнес мое имя кратко. Показывал, что я теперь в его руках. Не посмею нарушить запрет. Встал и молча вышел из комнаты, оставив дверь за собой открытой.

Заплетаясь в простыне, рванула к двери, с силой толкнула ее.

– Ненавижу, – кричу в пустоту, но в ответ только грохот от закрывающейся двери.

Бросившись на кровать, наконец, дала волю слезам. Они душили от безысходности. Жгучей обиды. Глупого тупика, в который я сама себя загнала. Я не могу заставить кого-то измениться. Я не хочу разрушать семью. Не должна думать о нем. Все это время надеялась, что когда-то встречу его, объясню, мы сможем быть вместе. Сейчас поняла, что пора поставить окончательную точку в этой истории. Оставить прошлое в прошлом и не тянуть его в будущее. Только как это сделать, если оно все время напоминает о себе?

Провалявшись в полудреме до утра, я вспоминала легкое прикосновение к щеке. Как мне могло показаться в тот момент, что он захочет все вернуть, поцеловать? Это так глупо, поддаться и показать свою слабость. Черт, как же хотелось вновь ощутить вкус его поцелуя. Теплое дыхание на шее, когда он притрагивается к ней. Царапанье кожи о его щетину. Теперь он знает мое слабое место. Знает, как сделать мне больно. Как манипулировать. Но пусть только попробует. Я могу лишить его полетов. И Кейден задохнется на земле, не имея возможности вырваться в небо.

Кажется, я только закрыла глаза, а звонок будильника уже прервал мой сон. Личные проблемы не должны мешать службе и тем более спасению людей, поэтому потянувшись, все же встаю. Из отражения на меня глядела незнакомка. Опустошенные глаза, припухшие от слез веки, спутанные волосы. Я специально не спеша возвращала себя к жизни. Прятала отчаяние под косметикой. Тянула время, чтобы прийти в столовую позже и не встретиться с Роном. Так и получилось, офицерский состав уже позавтракал, а столовую заполнили рядовые. Я даже начала сомневаться, не зря ли я так сделала. Все косились на меня, подмигивали и каждый второй желал раздеть. Проглотив завтрак, я поскорее хотела вернуться в госпиталь.

В ординаторской меня уже ждал Глеб. Так странно было встретить военного хирурга высшей категории с русской фамилией Борисов в американской армии. Он, как ни странно, говорил на чистом английском, без акцента. При этом цитировал русских писателей. Вот только расспросить подробнее про его прошлое пока никак не получалось.

Только принялась пересчитывать вчерашний отчет, как в кабинет постучали. Пригнувшись, чтобы не задеть дверной проем, вошел довольно высокий светловолосый мужчина.

– Мне нужна Эмили Уотсон, – строго произнес он, и что-то внутри тревожно заныло.

– Это я, – подняла руку, разглядывая незнакомца.

– Могу я с вами поговорить? – спросил первый лейтенант, звание которого я определила по погонам.

– Конечно, проходите, – приветливо ответила, натягивая улыбку. Не хотелось показать свое волнение. Если ищет меня лично, значит, пришел не по болезни. Уж не из-за того ли, что я вчера сделала? Мужчина же подошел к столу и сел напротив. Там, где вчера сидел Рональд.

– Добрый день, первый лейтенант Купер, – представился он.

– Мое имя вы уже знаете, – продолжала мило улыбаться. Стоит ли спросить, что ему нужно? Или молчать? Черт, это он пришел, значит, пусть сам рассказывает.

– Я хотел у вас уточнить состояние здоровья одного летчика, – сразу перешел к делу мужчина. – Это вы вчера запретили вылет капитану Кейдену?

– Да, – кивнула, как я и догадывалась, речь пойдет о Рональде. Внутренности свернулись в узел. А что, если Рон все ему рассказал и Купер знает, что из-за меня сорвался полет?

– Я видел вчера справку и ваше заключение. На моей памяти это первый случай, когда Рональда не пустили в полет. Скажите, с ним что-то серьезное?

Лейтенант сам пришел узнавать про здоровье летчика. Выходит, Рональд и вправду тут на особом счету. Раз Купер говорит «вчера», значит, Рон с ним не разговаривал сегодня. Черт, кажется он выполнил то, что обещал, и не докладывал про меня никому. Теперь надо мне его выгораживать. Хоть я и была зла на него, но лишать работы не хотела.

– Надеюсь, что нет. Учащенное сердцебиение может быть вызвано не только серьезной болезнью, но и, например, волнением. Возможно, это просто была какая-то неожиданная новость или событие. А может, просто барахлил прибор.

– Вы работаете с непроверенным оборудованием? – приподнял одну бровь Купер.

Да что ж он такой дотошный?! Цепляется к каждому слову. Его вопросы застали меня врасплох, зачем я вообще завела разговор про приборы, раз не была готова давать ответ. А лейтенант продолжал сверлить меня своими небесно-голубыми глазами, ожидая внятного ответа. Я начала на ходу оправдываться, сочиняя причины вчерашней ситуации. Рон был в порядке. Значит, я должна была признать либо свою ошибку, либо ошибку приборов.

Я чувствовала, как Борисов ухмыльнулся, понимая, что я несу бред, оправдывая себя, но промолчал.

– Хорошо, – остановил меня лейтенант. – Не могли бы вы тогда обследовать капитана Кейдена полностью и принести мне отчет о его здоровье? Скажем, к

вечеру. Он мне нужен для выполнения задания. Заменивший его вчера летчик не справился, и у нас могут быть проблемы.

Я вспомнила слова Рона о том, что вместо него полетел совсем неопытный парень.

– Хорошо, – встревоженно кивнула в ответ, – может быть, Борисов осмотрит его, если вы сомневаетесь во мне? – глянула я в надежде на Глеба. Может, он оградит меня от встречи с Рональдом.

– Проведите обследование, Эмили, а я почитаю заключение, – вмешался Глеб.

– Отлично, – не дал мне и слова вставить лейтенант, – я пришлю Кейдена к вам и жду отчет о его здоровье к вечеру, – отсалютовал Купер.

Я успела лишь кивнуть, а мужчина в форме уже покидал кабинет. Меня опять разрывало от предвкушения очередной встречи. Твою мать. Как мне теперь себя с ним вести.

– Спасибо, Глеб, что промолчали, – поблагодарила, когда дверь за Купером закрылась.

– Эмили, вы меня удивляете, – засмеялась он. – Одна встреча с вами – и летчик с идеальным здоровьем стал сердечником. Вы так метко пустили ему стрелу в сердце? – добавил, кладя руку на грудь.

– Старая история, – засмущалась тому, как он меня расколол в два счета.

– Так вы знакомы? – погладил бороду Глеб.

– Мы вместе учились, – выдохнула я, – и разошлись после школы не в очень хороших отношениях.

– Тогда это объясняет, почему он вчера не поднял шумиху и пожалел вас, – сделал заключение Борисов, отчего я запуталась еще больше. Внимательно рассматривала Глеба и ждала объяснений. – Этот молодой человек всегда требователен и к себе, и к другим, – продолжил врач. – Он, конечно, понял, что

вы все придумали, но промолчал. Будь на вашем месте кто-то другой, вы бы уже летели домой, – кивнул он.

Хотела бы я думать, что он промолчал не просто так. Но все говорило лишь о том, что он пожалел меня на первый раз в память о старом знакомстве.

– Можно дать вам совет, Эмили? – облокотившись обеими руками на стол, произнес Глеб. Я кивнула в ответ. – Если уж вы что-то сделали и убеждены в правильности своих действий, уверенно отстаивайте свою правоту. Лейтенант пришел, а вы уже стушевались и выдали себя.

Я глубоко вздохнула. Все, что касалось Кейдена, выбивало почву из-под ног. Заставляло медленно мыслить. Делать глупые ошибки. Питать призрачные надежды.

– Знаете, Глеб, мне тяжело обманывать людей. Когда я знаю, что неправа, я не могу держаться уверенно. Я не умею лгать.

– Скоро придет Рональд, – перебил меня Глеб, – я уверен, что с ним все в порядке, но проверьте его еще раз. Неверный шаг или диагноз может перечеркнуть всю его карьеру. Надеюсь, он вам не настолько насолил, чтобы забыть обо всех его заслугах. Если есть подозрения, обратитесь ко мне. Если же все в порядке, держитесь позиции, что вчера прибор дал сбой, а вы перестраховались, – вопросительно на меня посмотрел, ожидая ответа.

– Хорошо, – кивнула, – попробую.

– Только не залечите его своими стрелами, – подмигнул мне Глеб. Щеки моментально бросило в жар от его слов.

– Глеб… вы неправильно поняли, – махнула головой, – это просто маленькая месть.

– Это не мое дело, – улыбнулся он, – но авиации США нужен этот летчик. И, пока Кейден не пришел, пойдемте на обход больных, – вставая из-за стола, позвал меня Борисов.

Я кивнула, поправила халат и направилась за ним.

Мы ходили по палатам и осматривали пациентов. Меня же не отпускала мысль, что опять придется столкнуться с ним. Что бы я ни чувствовала, сейчас надо было все это спрятать куда-то глубоко, под замок. Отключить ощущения и воспоминания. Вчера он четко дал понять, что я для него ничего не значу. Как же тяжело начинать жизнь заново. Знать, что я для него никто, а он одним взглядом зажигает пламя.

От мыслей отвлек стон парня с переломанной ногой после неудачного прыжка с парашютом.

– Ну что же ты, солдат? – как-то по-доброму, по-отцовски спросил Глеб.

– Больно, – стонал тот, – дайте обезболивающее, не могу терпеть, – скривился.

– Доза и так велика, больше нельзя, – покачал головой Глеб.

– Черт! Это невыносимо, – злился тот, – я должен был летать, а не с парашютом прыгать.

– Скажите мне, рядовой, – обратился к нему Глеб, – а как вы собираетесь катапультироваться и приземляться при необходимости? Или за вами персонально прилетят спасатели? – Палата наполнилась смехом остальных больных. – Молодой человек, у вас замечательная профессия, и вы должны уметь все. Летать вы все равно долго не сможете, так что при первой же возможности вернетесь домой и будете долечиваться уже там.

***

Время шло, ожидание появления Рона все больше не давало мне сосредоточиться на чем-то определенном. Я хваталась за разные дела. Не могла ни на чем сконцентрироваться. Это становилось невыносимым. Но тот, кого я ждала, так и не появлялся. А мне надо было к вечеру сдать отчет.

Купер же мог просто ничего не передать Рональду, но спросят-то с меня. Может, стоит поискать его самой? Может, позвонить? Где найти его номер? В

медицинской карте. Точно, там должен быть номер. Разыскав его личное дело, открыла на первой странице.

С небольшой фотокарточки три на четыре на меня смотрел Рональд. Невольно провела средним пальцем по контуру его лица, всматриваясь в такие знакомые черты. В этот момент как назло без стука открылась дверь. Машинально захлопнула картонную обложку, но он успел все увидеть. Черт! Черт! Черт! Да что же за день такой!

– Любуешься? – услышала, как ухмыляется Рональд. Не оборачиваясь пошла за свой стол. Заметила улыбку Глеба и еле сдержалась, чтобы не сорваться.

– Искала твой номер, – ответила спокойно. Через плечо. Пыталась быть равнодушной.

– Зачем? – небрежно спросил. Совсем рядом. Быстро обошла стол, чтобы увеличить дистанцию.

– Раз ты пришел сам, то уже незачем, присаживайся, – кивнула на стул напротив.

Взяла тонометр и, дождавшись, когда Рон сядет, надела манжету для измерения давления.

– Ты хоть давление-то измерять умеешь? – с насмешкой спросил. Издевался при Глебе. Пусть лучше говорит про работу при начальнике, чем про вчерашнюю ночь. Не хотела, чтобы кто-то еще об этом знал.

Бросила взгляд на Глеба и закатила глаза. Рональд неисправим. Борисов развел руками, кивая мне. Все в моих руках. Вспомнила утренний разговор и продолжила измерять давление.

– Молодой человек, – неспешно обратился Глеб, – я бы так не шутил на вашем месте. – Мы с Роном, услышав Борисова, не сговариваясь, озадаченно повернули головы в его сторону. Тот хитро прищурился в ответ. И теперь я боялась, чтобы Глеб не сказал что-то лишнее. – Вы уже видели, на что она способна, – кивнул в мою сторону. – Это коварная женщина. Она может не только давление измерить, но и усыпить вас, а потом отрезать что-нибудь лишнее.

Не понимала, зачем Глеб нагнетает обстановку. Борисов же серьезно посмотрел на нас, а потом начал смеяться. Ему смешно, черт возьми. Закатила глаза в ответ и покачала головой. Если думал, что снял напряжение между нами, то уверена, он ошибся.

– Я оставлю вас и буду в процедурной, если что, – вставая из-за стола, предупредил нас Глеб и направился к выходу. Специально это сделал, военный Гиппократ.

Звук закрывающейся двери снова отделил нас от всего мира, оставляя наедине со всем этим багажом. Скользнула взглядом по парню, чтобы оценить, как он к этому отнесется, а встретила в ответ насмешливый взгляд.

Кажется, сейчас будет продолжение вчерашнего вечера…

4 мили над землей. Эмили

Как мне хотелось сейчас провалиться, исчезнуть, раствориться, что угодно, лишь бы не находиться с ним наедине. Не слышать шуток или укора. Не оправдываться. Очередной раз чувствовать себя виноватой. Но мы тут одни. И я должна сделать чертов отчет.

Приложив к сгибу его руки стетоскоп, продолжила, не обращая внимания на цепкий, подозрительный взгляд Рона. Механически накачивала манжету и прослушивала пульс. Интересно, вспоминал ли он меня хоть раз за эти десять лет? Хотя… у него жена, семья, зачем ему это? К тому же в его глазах я кто? Поверил в какие-то сплетни про меня и даже не дал шанс ничего объяснить.

Сейчас же внимательно следил за каждым моим движением, будто ждал, когда я ошибусь. Врач с моей практикой ошибается только тогда, когда хочет ошибиться. Как вчера вечером. Намеренно и полностью осознавая поступок.

– Давление в норме, – повесив на шею стетоскоп, сказала я, сняла манжету и убрала тонометр.

Теперь надо измерить пульс, а значит, опять придется касаться его. Подняла левую руку, чтобы засечь время на часах, а указательный и средний палец другой руки положила на его запястье. Подушечками нащупала упругие вены и уловила пульс. Ритмичный. Умеренный. Как и сам Рон. Но биение моего сердца было настолько сильно, что вскоре заглушило все ощущения. Я не могла отличить его пульс от своего. Они словно слились в унисон. Да что такое со мной творится? Он проникал в каждую мою клеточку, заражал ее собой. Пульс подчинялся его ритму. Эмоции лились через край. Мозг понимал, что точка поставлена, но тело отказывался в это верить. Убрала пальцы с его запястья и молча протянула Рону термометр. Думаю, он догадается, что с ним нужно делать. Сама пошла в другой конец кабинета, чтобы включить ЭКГ-аппарат.

Я не услышала от него ни слова, но сейчас это было даже лучше. Мне просто нужно представить, что передо мной не Рон, а кто-то другой. И все. Просто кто-то другой, посторонний мне человек.

Как только термометр издал звук, что измерил показания, я вернулась и протянула руку. Рон достал прибор, сам посмотрел на дисплей и положил термометр на стол. Черт! Спокойно, Эмили. Он просто проверяет тебя на прочность. Я взяла прибор и, убедившись, что температура в норме, убрала его на место.

– Надо еще сделать кардиограмму, раздевайся до пояса, снимай обувь и ложись, – указывая рукой в противоположный угол, спокойно сказала.

– Нашла все-таки способ меня раздеть? – ухмыльнулся он, наблюдая за мной из-под бровей, и взялся за ворот футболки.

Я усмехнулась, но успела отвернуться до того, как он начал стягивать майку, чтобы случайно не попасться на том, что я его разглядываю.

Услышав за спиной твердые шаги прилипающих босых ног к линолеуму выдохнула, лишая легкие воздуха. Напряжение в кабинете нарастало, и я чувствовала, что скоро кто-то из нас сорвется.

Это просто очередной летчик. И он женат. И я забуду его. Когда-нибудь.

Взяв датчики, склонилась над лежащим на спине Роном. Как бы я ни была сосредоточена на подключении электродов, не могла не заметить широкую накаченную грудь, обтянутую гладкой загорелой кожей. Рельефные крепкие руки, напоминающие о постоянных тренировках. Каждая клеточка внутри замерцала от желания прикоснуться к нему.

– Хватит уже разглядывать меня, делай кардиограмму, – услышала нахальный голос. – Я хочу сегодня еще попасть на тренировку, – будто заметив, что я рассматриваю его, ухмыльнулся тот, кого хотелось убить.

Черт! Мне что, глаза завязать?! Так и хотелось резко высказаться, но в памяти всплыл утренний разговор с Глебом. Я должна попробовать настоять на своем.

– Работая врачом в мужском коллективе, каждый день приходится наслаждаться видом загорелых торсов, – демонстративно пробежалась взглядом по всем открытым участкам его тела и натянуто улыбнулась. – Поверь, ты не единственный. – Сделав снова серьезный вид, приказала: – Молчи и не шевелись, а то опять могут получиться плохие результаты.

Сама же отвернулась к прибору. То ли Рону нечего было сказать, то ли он не хотел испортить результаты анализов, но он промолчал. Что бы там ни было, но это моя маленькая победа. Сама себе мимолетно улыбнулась, записывая кардиограмму. Частота сердечных сокращений в норме, физическое состояние сердца в норме, аритмий нет, нарушений нет.

– Можешь вставать и одеваться, – сказала, снимая датчики, – с тобой все в порядке, – отвожу в сторону взгляд и, положив электроды, направилась к компьютеру. – Я сейчас сделаю отчет.

– Как вообще какой-то медсестре доверили проводить предполетную подготовку? – услышала за спиной недовольный голос.

Я догадывалась, на что он намекал. Вчера я повела себя не как врач, пошла на поводу эмоций и поставила ту чертову печать. Знаю, что не должна была так поступать, но что сделано, то сделано.

Я молча набирала текст, заполняя форму, Рон же будто специально искал повод меня задеть, отомстить за вчерашнее.

– Классная у тебя работа. Раздевайся. Ложись. Давай я на тебя поглазею. Одевайся. Печать. Ты похоже сюда для этого и приехала? – продолжал издеваться он.

– Ты знаешь, да! – развернулась к нему и выпалила: – Военные – они более серьезные, чем мальчики на гражданке.

– Удачной охоты, – усмехнувшись, ответил Рон и направился к двери.

– Не уходи, – остановила его в последний момент, говоря уже в спину. Рон замер, но не повернулся. – Тебе еще надо сходить к Глебу и показать ему отчет.

– Не надо мне указывать, что делать, – обернулся и недовольно посмотрел. Ждал, что я скажу. Не хотела ругаться и пыталась объяснить.

– Я не указываю, тебе просто надо сходить, – сохраняла спокойствие и сдерживала бурю внутри.

– Сама сходишь и принесешь в штаб, – вскинул подбородок. – У меня нет лишнего времени. – Оба знали, что я виновата, и я буду делать все, чтобы загладить вину. Не только перед ним, но и перед всей авиабазой. Я практически все доделала. И потом, где мне его искать? Ну что за упрямец. Рональд же опять направился к выходу. Черт, его надо остановить.

– Потом не удивляйся, – повысила голос вслед, – если ты опять не полетишь. – Пустила на печать отчет. Он резко развернулся, а на лице заиграли скулы, сводимые судорогой от злости.

– Только попробуй и сразу же отправишься домой, второй раз я не буду молчать, – уставившись на меня, сказал он.

Как же он меня достал?! Почему нельзя просто общаться? Почему надо все время цепляться ко мне? Я проигрывала в этой схватке.

– Если я полечу домой, то ты навсегда лишишься своего неба, – жалкая попытка ответить.

Как же я сейчас его ненавидела! А может, и к черту эту работу? Лечить таких идиотов. Лучше вернусь домой. Исправив со злости кое-что в отчете, пустила на печать повторно. Он молчал. Недовольно рассматривал меня. Видел насквозь. Знал, что я блефую. Как же мне надоела эта его самоуверенность. Одновременно понимала: он сильнее, его не переспорить, не доказать что-то, но попробовать все же могла. Схватив распечатанные листы, направилась к нему и выдала последние аргументы:

– Вчера я приложила чуть-чуть усилий, – показывая размер большим и указательным пальцем, подошла ближе, – и ты не полетел. Я авиационный врач. Поверь, я знаю, как сделать, чтобы посеять сомнения относительно твоего здоровья. Ты будешь трижды здоров, но летать тебе будет нельзя.

Я ощутила все его напряжение и отвращение. Он не знал наверняка, что я могу, но пусть сомневается и думает, что делает.

– Иди за мной к Борисову. – Обогнув его, я схватилась за ручку и хотела открыть дверь, чтобы выйти в коридор. Но Рон уперся в нее ладонью, отчего я даже не смогла ее открыть.

– Ты кем себя возомнила? Ты медсестра с учебной базы! Ты хоть настоящую войну-то видела? Ты хоть одного человека спасла?

Я с силой сжала зубы, чтобы не расплакаться. Небо свело тупой болью. Такой, что все слова застряли от обиды. Нет, он говорил неправду. Он ничего обо мне не знал, но был так уверен, что я ничего не достигла в жизни. Внутри сгорала от понимания, что его мнение обо мне не поменялось.

Обида быстро сменилась злостью. Все внутри закипало от желания врезать ему и заткнуть. Я отбросила бумаги в сторону и со всей силы пихнула его в грудь. Рон сделал шаг назад, но успел схватить меня за запястья и притянуть к себе. Вцепился в меня глазами.

– Не смей меня трогать, – ровно проговорил он. – Кто дал тебе право поднимать на меня руку? Я к тебе и пальцем не притронулся. – Холодный голос разрезал и отдалял нас еще дальше друг от друга. – Хочешь быть на равных? Я тоже могу тебя толкнуть в ответ, – сильнее сдавливая мои запястья, выговорил. Потом резко дернул мои руки вниз и отпустил. Закрыв глаза, сдерживая слезы, я

услышала шум открывающейся двери и его ледяной голос:

– Пошли к Борисову.

Поджав губы, подняла отчет и вышла следом. Глубоко вдохнула и выдохнула несколько раз, прогоняя подступающие слезы. Тело до сих пор дрожало от пережитого волнения. Я не понимала, почему мне так сложно, практически невозможно контролировать себя, когда он рядом.

Только у процедурного я нагнала Рона и, поглощенная своими мыслями, не глядя схватилась за ручку, чтобы открыть дверь. Поняла, что мы взялись за нее одновременно, но я на секунду позже. Не убрала руку. С силой надавила, чтобы опустить ручку, но Рональд сильнее. Не дал мне это сделать. Разозлилась неимоверно. Подсознательно хотела сделать ему больно. Сдавила его ладонь, впиваясь в нее ногтями. Подняла глаза, чтобы посмотреть на него. В них лишь отражалась моя слабость. Отдернула руку, не мешая ему открыть чертову дверь и закончить все это поскорее.

5 миль под небом. Рональд

Шел по коридору и удивлялся сам себе. Во мне проснулся тот мальчишка со школы, когда хотелось подшутить, поиздеваться над кем-то. Знал слабое место и давил на это, выводя ее из себя.

Когда она одновременно со мной схватилась за ручку двери, почувствовал прохладную ладонь, накрывшую мою. Она не собиралась убирать руку, даже больше, с силой нажала на мою, желая открыть дверь сама. Но я специально не позволил ей сделать это. Ведь просил не командовать мной, но она снова пыталась это делать. Эмили со всей злости впилась в мою кожу ногтями, а потом отдернула руку, сдаваясь.

Пожалуй, стоило прекратить эту игру, пока она не зашла слишком далеко. Открыл дверь, пропуская девушку первой. Она бросила на меня недоверчивый взгляд, но все же зашла к Борисову передо мной, сразу же направившись к его столу. Я зашел следом и закрыл за нами дверь.

– Я обследовала капитана Кейдена, вот отчет, – кладя на стол листы, сказала она, – с ним все в порядке. Глеб, я вас оставлю, у меня дела.

Не дожидаясь ответа, Эмили развернулась и, обогнув меня, направилась к выходу. Лишь громко хлопнула дверью напоследок, отчего Глеб удивленно поднял на меня глаза.

– Вы хорошо постарались, молодой человек, разозлив моего самого спокойного сотрудника, – покачал головой врач и взял листы.

– Проверьте лучше за ней отчет, а то опять не то напишет, – кивнул я на бумаги. Видно было, что его забавляла вся эта ситуация, в то время как мне не до шуток. Я столько времени терял впустую из-за этих обследований.

Борисов читал первый лист, и в уголках его глаз появились сначала многочисленные морщинки, а потом мужчина захохотал. Что такого смешного он мог вычитать там? Неужели она опять написала какую-то чепуху?

– Что такое? – спросил резко.

Еще пара таких справок, и меня на самом деле отстранят от полетов. Эмили добьется своего. Я догадывался, почему она злится на меня. Надо будет все же поговорить с ней как-то и объясниться.

– Вот, – протягивая мне лист, – можете ознакомиться, – усмехнулся Борисов.

Пробежал глазами по тексту. Давление, пульс, температура, для меня тут не было ничего особенного. Пока глаза не дошли до строчки «Примечание».

«Плохое зрение, так как не видит дальше собственного носа. Плохой слух, так как слышит только себя. Лишенный чувств и этики придурок. Рекомендую отстранить от полетов, а лучше отправить домой».

– Надеюсь, это шутка? – скомкал одной рукой лист и швырнул на пол.

– Вот, можете ознакомиться с другим вариантом отчета, – протянул мне еще один лист.

Все данные повторялись, а в графе «Примечание» написано совершенно другое.

«Физическое и эмоциональное состояние капитана Р. Кейдена на отличном уровне. Разрешены полеты на сверхзвуковых истребителях. Плохие предыдущие показатели являются ошибкой в измерениях врача Э. Уотсон».

Она подписывала себе приговор последней фразой. Я поднял глаза на Глеба.

– Вы же понимаете, чем это ей грозит? Хотите дать этой бумажке ход? – ставя меня перед выбором, спросил он.

Черт, я был очень зол на нее. Тогда, в ее комнате, за ее выходку, готов был сам собрать ее вещи и отправить домой, но сейчас вспоминал слова из первой справки, и что-то не давало мне покоя. Что она имела в виду, написав это? Что я не вижу и слышу? Внутри все гудело от ощущения недосказанности. А сердце как никогда начало ускоряться, призывая меня не делать этого. Я покачал головой.

– Вы можете переделать? – бросил отчет ему на стол.

– Если вы этого хотите, то да, – кивнул Глеб.

– Я подожду, – садясь на стул, предупредил.

Глеб взял отчет и удалился.

Я же поднял скомканный ранее листок и развернул его, перечитывая строки.

«Плохое зрение, так не видит дальше собственного носа. Плохой слух, так как слышит только себя. Лишенный чувств и этики придурок».

Что же она хотела этим сказать? Что я должен увидеть и услышать? Что она сохнет по мне, как десять лет назад? Черт, она думает, я не вижу, как она похорошела. Пропали подростковая угловатость и сутулость. Сейчас передо мной была привлекательная женщина. Только у нас разные пути. Мы пробудем на этой базе пару месяцев и опять разъедемся в разные уголки нашей страны.

То, что когда-то не срослось, не срастется снова. К тому же теперь я женат. И не смогу бросить Лизу.

Услышав звук открывающейся двери, я обернулся. В кабинет вошел Глеб и протянул мне новый листок.

– Великий русский писатель Лев Толстой говорил: «…Мы любим людей за то добро, которое мы им сделали, и не любим за то зло, которое мы им делали». Я не знаю, что у вас там было в прошлом, да и это не мое дело, – начал он, садясь на свое место, – но, надеюсь, вы перестанете мучать друг друга и займетесь делом. Документы передадите лейтенанту Куперу.

Я пробежал глазами по строчкам, доверять я теперь не мог. Но ничего кроме разрешения к полету и сбоя техники, которую отправят на повторную поверку, не было. Я поднял глаза на Глеба.

– Вы хотите сказать, что я кого-то мучаю? Может, это она ведет себя, как ребенок?

Глеб пригладил седую бороду и задумался.

– Знаете, Рональд, да, это война, и мне нужен работник, солдат, способный лечить людей, а не зареванная девица, которой самой нужна помощь. Думаю, она неспроста так вчера сделала. Если не можете сдержать себя, приходите за разрешением на вылет лично ко мне.

– Я вас понял, Глеб, – кивнул я, – всего хорошего,– встал и направился к выходу, чтобы поскорее покинуть помещение, пропитанное запахом лекарств. Уже в дверях вспомнил, что хотел кое-что спросить, и развернулся к Глебу.

– Глеб, вы же знаете латынь?

– Да. – Врач приподнял брови и расширил глаза.

Я повторил ему ту фразу, что недавно сказала мне Эмили.

– Если дословно, то «не попадись сам». А что это значило в контексте, думайте сами.

Я кивнул Глебу и покинул кабинет.

Лицо обдало горячим душным воздухом, когда я вышел из здания. Но это было лучше, чем атмосфера и запах медикаментов. Направившись в штаб, занес отчет, оттуда сразу пошел на тренировку. Отвлекался, чтобы не думать о постороннем.

Но, когда, наконец, прилег отдохнуть перед очередным полетом, мысли посетила доля сомнения. Из головы же никак не выходила Эмили. Почему у меня такое ощущение, что я перегнул палку? «Зареванная девица…» Неужели все-таки расплакалась, а ведь держалась так уверенно. Хотела покомандовать и не справилась. Мы не виделись десять лет, встретились меньше суток назад, а уже успели поссориться. Она видела меня раздетым, и я тоже видел ее грудь, когда она наклонилась слишком низко, устанавливая свои датчики, и прямо перед моим лицом сверкнула из сдвинувшего вниз халата темным ажурным кружевом. И мне сразу же захотелось уколоть ее, задеть. Что это за форма одежды такая?!

Сейчас же чувствовал себя так дерьмово за то, что наговорил ей. За то, что сделал больно. Ведь я даже не почувствовал ее удар, но умудрился раздуть из этого целое событие. Пожалуй, стоит прислушаться к совету Глеба и избегать с ней встреч.

Спустя час я уже был на предполетной подготовке и разбирал свое задание. Продумываю план полета, рассчитывал расстояние.

На гражданке все постоянно восхищались моей профессией. Со стороны это и вправду выглядело круто и романтично, как и у звезд спорта или профессиональных певцов. Но могут ли тяжелые изнуряющие тренировки выглядеть романтичными? А может, романтично всю ночь сдавать экзамен? Это работа. Это тяжелая, очень тяжелая работа. Это сложнее всего, что я когда-либо делал. Здесь нельзя вполсилы, нельзя расслабленно. Это больно. Всепоглощающее давление. Перегрузки. Конечно, есть моменты, которые знаю только я. Вещи, которые могут испытать только несколько сотен человек. Непередаваемые ощущения полета, высоты, превосходства. Но эти моменты… Они только мои.

Предполетная подготовка закончилась, и я, повторив все в уме еще раз, направился на взлетную полосу. Истребитель, заклейменный моим позывным, уже был готов к вылету. Это, конечно, не моя собственность, но я, помимо полетов, следил за технической историей и техническим обслуживанием своего самолета. Хотя случалось и такое, что мой самолет отдавали на другое задание, тогда приходилось летать на свободном.

И хотя различия в оснащении, управлении, множество мелких вещей ничего не значат, но мне всегда нравилось летать на одном и том же самолете. Привыкнув к его причудам, вероятность заметить что-то необычное быстрее.

– Земля, я Вирус. Прием, – обратился я к диспетчеру.

– Вирус. Это Земля. Вас слышно.

– Земля. Разрешите вылет.

– Вирус. Вылет разрешен, – подтвердил диспетчер мою просьбу.

Поднимаясь все выше и выше, я полностью растворился в небе, отбрасывая мысли о земле.

***

Возвращаясь уже по темноте с задания в казарму, проходил мимо госпиталя и услышал знакомый женский голос. Эмили расслабленно сидела на скамейке спиной ко мне и разговаривала по телефону. Я не собирался подслушивать ее разговор, но услышал мимоходом последнюю фразу, которая почему-то задела.

– …И я тебя люблю и скучаю.

6 миль над землей. Эмили

Не было аппетита идти на завтрак. Не было желания встречаться с Роном. Не было мыслей, как вести себя с ним дальше.

Наблюдала из окна своей комнаты за солдатами, вышедшими на утреннюю зарядку, и тоже возникло желание пробежаться и подумать. На ходу закидывая в себя хлебцы и запивая их соком, я одевалась для пробежки. Возможно, бежать в военной форме было бы правильней, но мне больше нравилась обычная спортивная одежда, предназначенная для бега.

Выйдя из здания, обняла себя руками, привыкая к утренней прохладе. База «Калабосо», на которой мы жили, находилась немного севернее экватора, и днем температура поднималась до тридцати градусов, но утром тут было довольно свежо.

На фоне гула самолетов был слышен голос командира, руководившего солдатами, украдкой смех какого-то осмелевшего рядового. И, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание, я обогнула госпиталь, воткнула наушники и побежала по тропинке. Она проходила за основными зданиями базы и дальше раздваивалась. Налево вела в сторону взлетных полос, направо – к лесному массиву. Сегодня мне хотелось побыть в тишине ото всех, поэтому свернула к лесу.

Как же здесь было удивительно! Ограничивающие базу с одной стороны экзотические растения, которые я видела впервые и названия, конечно, не знала, окунули меня в некую сказку, волшебство. Дивный сладкий аромат цветов, приправленный запахом зелени. Яркий солнечный свет, пробивавшийся сквозь листву, заставил прищуриться и улыбнуться. Как все было гармонично! И чего так не хватало мне? Ведь на самом деле, у меня все хорошо. Я, моя семья – все живы и здоровы. Рональд? Я сама себя накрутила с ним. Жила ведь как-то без него все это время. Просто, случайно встретив сейчас, спустя столько времени, почему-то решила, что он должен влюбиться в меня снова. Но я всего лишь ошиблась. У него своя жизнь. У меня своя. Не стоит чего-то ждать. Надо жить дальше. Мне не хотелось больше спорить с ним, что-то доказывать. Пусть все будет как есть. Он сделал свой выбор. И я тоже. От этого осознания я радостно вскинула руки и улыбнулась еще шире, утопая в солнечных лучах. И продолжила бежать, впитывая энергию местности.

Спустя время боковым зрением заметила кого-то справа от себя и автоматически повернула голову в ту сторону, встретившись взглядом с лейтенантом, который

приходил по поводу Рональда. Он довольно улыбнулся, кивнув. Я махнула в ответ и вытянула наушники, чтобы поздороваться.

– Доброе утро, – поприветствовала его, переходя на шаг.

– Доброе, – кивнул он, – мисс Уотсон, кажется?

– Можно просто Эмили, – переводя дыхание, ответила. – Вы тоже бегаете по утрам?

– Да, предпочитаю пробежку занятиям на спортплощадке. Вы в отличной форме, еле вас догнал, – поднимая большой палец, довольно прищурился он. – Как вы, освоились?

– Я уже в курсе всех дел, лейтенант. Штат тут большой, но коллектив доброжелательный и отзывчивый.

Сейчас, когда он оказался рядом, я смогла рассмотреть его лучше. Светло-серые глубокие глаза, словно бездна, изучающая и притягивающая. Было в них что-то необычное и одновременно пугающее.

– Дэйв, зовите меня Дэйв, – уточнил он. – Да, вы правы людей много и больных тоже, кроме того бывает так, что к нам могут дополнительно привозить раненых, если какой-то военной базе нужна помощь.

– Я всегда готова к работе.

Наша утренняя пробежка превратилась в прогулку. Дэйв, пользуясь случаем, провел мне небольшую экскурсию по базе, которую я так до сих пор и не видела. Мы прошли вдоль взлетных полос, длинных и идеально гладких. Я увидела истребители разных конструкций. Еще проходя обучение на авиационного врача, летала один раз на таком самолете, чтобы почувствовать условия, в которых оказывается летчик при полете.

Дэйв же сам занимался оперативным планированием полетов. Разрабатывал планы атаки, а летчики выполняли эти задания. Его внешность, угловатые черты лица, прямой нос, изучающий взгляд подтверждали то, что он стратег, видящий

общую картину и постоянно анализирующий людей и систему.

***

Желание поесть пришло, но желание встречаться с Роном нет, поэтому, взяв вещи, я направилась сначала в душ, а потом работать. Глеб уже сидел за столом и что-то заполнял, когда я вошла в кабинет.

– Доброе утро, Эмили, – приглаживая бороду, улыбнулся он.

– Доброе утро, – кивнула в ответ. – Вы сегодня рано.

– Да, сегодня у нас операция. И несколько человек надо выписать, отправляем домой. Подготовьте их к выписке, – протянул мне карточки.

Я взяла пластиковые папки и, положив к себе на стол, принялась их разбирать. Бумажную работу я любила не меньше, чем лечение и оперирование, хотя в последних куда большая ответственность.

Я задумалась и подняла глаза на Глеба. Он удивил меня еще при первой встрече. Это не был типичный военный врач. На вид ему около шестидесяти. Седая голова, приличных размеров белая борода, глубокие морщины как следствие изматывающей тяжелой работы. Неужели я тоже буду так выглядеть в шестьдесят лет? Глеб что-то писал, и из-под закатанного рукава заметила на руке черные линии замысловатой татуировки. Интересно, есть ли у него семья, жена? Мне хотелось многое узнать о нем, но спрашивать как-то неловко. Будто почувствовав на себе взгляд, он поднял глаза.

– Ну что, вы готовы, Эмили?

– Да, – кивнула в ответ.

– Тогда позвоните, пусть готовят операционную, – сказал он и продолжил что-то писать.

Я сделала, о чем попросил Глеб, и, когда он закончил, мы отправились на плановую операцию. Спустя два часа, успешно завершив ее, я сидела в нашем

кабинете, опять заполняя бумаги. Летчики проходили обследование, но Рон не появлялся. Я ничего не знала о нем и о графике его полетов. И хотя проще с ним не встречаться, я хотела бы его увидеть.

Поэтому, когда в дверь неожиданно постучали, я вздрогнула и с надеждой посмотрела в ту сторону.

– Войдите.

Когда же дверь открылась, в кабинете появился тот, кто с утра спас меня от одиночества.

– Дэйв? Что-то случилось? – глядя на его смущенное лицо, спросила я.

Он не должен быть здесь сейчас. Что-то с ним или с кем-то из летчиков? Сердце начало волноваться.

– Да, – кивнул он и подошел ко мне. – Только не смейтесь, Эмили, – хихикнул, присаживаясь напротив и протягивая мне ладонь.

Кожа вся была усыпана мелкими занозами. Мне кажется, я даже шумно выдохнула, понимая, с какими пустяками он пришел.

– Вы собирали кактусы? – засмеялась я.

– Нет, – махнул он головой в ответ. – Просто… хотел кое-кого поучить убирать территорию, а в итоге… в общем, не важно, – замялся. – Поможете все это удалить, а то у меня и инструмента подходящего нет? – с надеждой из-под бровей глянул на меня.

– Конечно, – успокоила его.

Встав из-за стола, пригласила лейтенанта в перевязочную, смежную с рабочим кабинетом и отделенную дополнительной дверью. Обработав антисептиком ладонь, достала пинцет и принялась доставать занозы.

– Эмили.

– Да, – буркнула я, увлеченная занятием.

– Почему ты стала военным врачом? Это не совсем женская профессия.

Он, сам того не зная, затронул очень больную для меня тему. Я не могла рассказать ему правду. Я никому не могла рассказать чертову правду! Поэтому пришлось рассказывать заранее заготовленную историю.

– Я всегда хотела стать врачом, просто, когда начала выбирать университет, оказалось, что военная медицинская академия находится рядом с домом. Так с родителями я и приняла решение учиться в ней. А лечить гражданских или военных – особой роли не играет. Хотя на войне, конечно, все жестче. Экстренней. А ты как стал руководителем полетов? – перевела разговор на него.

– Пошел в летное, хотел стать летчиком, но понял, что это не совсем мое. Мне больше нравилась военная стратегия. Так я и изменил профиль.

Доставая занозы, я рассмотрела его руки. Хотя он и был военным, тренировался, но изящная тонкая рука, аккуратные ногти выдавали в нем интеллигента. Он не работал физически, скорее всего, занимался исключительно бумажной и умственной работой. Работа ответственная, но не пыльная. Даже мне приходилось больше марать руки, зашивая органы и обрабатывая раны. Но стратеги на войне тоже нужны, кто-то же должен руководить.

Когда услышала звук открывающейся в кабинет двери, оставалось по моим подсчетам достать еще около семи заноз.

– Проходите, присаживайтесь, – донеслось до нас с Дэйвом голос Глеба, пришедшего с кем-то, – как настроение?

В проходную дверь между кабинетом и перевязочной мы с Купером не были видны. И я молча продолжала делать свою работу, чтобы не отвлекать Глеба. Пока не услышала ответ знакомого голоса.

– Все прекрасно.

От неожиданности я замерла на секунду, но потом быстро продолжила, чтобы не выдавать себя Куперу, делая вид, что все по-прежнему.

– Давайте тогда измерим давление, – услышала за стеной.

Так, Рон пришел на предполетный осмотр именно к Глебу, значит, со мной решил не встречаться. Ну и ладно, может, это к лучшему? Только бы Глеб ничего лишнего не ляпнул, чтобы Дэйв это не услышал. Надо срочно привлечь к себе внимание, чтобы он знал, что я тут. Специально слегка задела рукой лежавший на столике инструмент, и он с грохотом упал на пол. Я наклонилась его поднять и сразу же услышала голос Глеба:

– Эмили, это вы там?

– Да, Глеб, – ответила, – у меня пациент – лейтенант Купер.

– Что случилось? – заинтересовался Борисов.

Я исподлобья взглянула на Дэйва и заговорщицки кивнула. Я не знала, что мне про него рассказать, видно, что ему неудобно от этой ситуации.

– Добрый день, Глеб, – отозвался лейтенант сам. – Со мной все в порядке, так, пара царапин. Как Кейден? – откинувшись на спинку стула и заглядывая в соседнее помещение, спросил он.

– Норма, может лететь, – ответил Глеб.

– Я заберу его справку сам, все равно иду в штаб.

– Можете быть свободны, – услышала голос Глеба, обращенный к Рону. Не хотела с ним никак пересекаться, поэтому, не поднимая головы, доставала злополучные щепки.

Все, что сейчас было в моем распоряжении, это уши. Я слышала, как кто-то встал и сделал пару шагов в нашу сторону.

– Доброе утро, – сказал Рон, находясь в проеме между помещениями, но я не поняла, к кому они обращены. Почувствовала, как Дэйв немного потянулся назад, протягивая свободную руку для рукопожатия, поздоровался:

– Доброе утро, капитан.

– Здравствуйте, – не поднимая головы, ровно ответила я, чувствуя взгляд обоих мужчин на себе, но никому ничего объяснять не собиралась.

– Рональд, в час встречаемся в штабе, – предупредил Купер.

– Понял, лейтенант, – отчеканил тот и покинул кабинет.

– Ты теперь не обследуешь его? – рассматривая меня или мою реакцию на него, спросил Купер.

– Обследую, но, если я занята, это делает Глеб, – уверенно соврала, зная, что предложил Рональду Борисов, а тот, похоже, согласился. – Ну вот, вроде бы все удалили. Пощупай, нигде ничего не мешает?

– Нет, – разминая ладонь, сказал Дэйв. – Ты моя спасительница.

– Это моя работа, – улыбнулась я.

– Извини, не могу пригласить тебя в ресторан. Но могу пригласить на обед в столовую. Составишь компанию?

– С удовольствием, – урча ответил за меня мой желудок.

Это было мое спасение. Мне не придется есть в одиночестве и думать, как стать невидимкой, чтобы никто не пялился на меня. Теперь, зная, что я там буду не одна, а в довольно приятной компании, я облегченно выдохнула, так как хлебцов с соком явно было мало.

– Буду ждать тебя в половине первого на крыльце госпиталя.

– Договорились, – подмигнула я, а Дэйв, забрав документы Кейдена, вышел из кабинета.

Борисов, довольно поглаживая бороду, лукаво улыбнулся.

– Глеб, ничего не говорите, – предупредила я.

Да и сама ничего не понимала. Купер будто искал повод для встречи. Рональд словно стремился увидеть, чем мы были заняты в перевязочной.

Время до обеда пролетело незаметно. Выскочив из здания ровно в тридцать минут, обнаружила Дэйва на скамейке перед входом.

– Я готова, пойдем? – окликнула лейтенанта.

– Конечно, – кивнул, улыбаясь, в ответ.

Пара минут – и столовая в нашем распоряжении. Какая же я была голодная. Быстро получив свои обеды, мы с Дэйвом заняли свободный столик. Я была так голодна, что не заметила сразу, кто сидит немного в стороне напротив. Поэтому вела себя с Купером общительно и непринужденно. Смеялась над его шутками и рассказывала врачебные истории, пока в какой-то момент не встретилась взглядом с Рональдом, который недовольно нас рассматривал.

7 миль под небом. Рональд

Я твердо решил принять предложение Глеба и ходить на предполетный осмотр к нему. Лишние встречи с Эмили мне были не нужны. Они еще ни разу не закончились нормально. Поэтому, появившись в госпитале, обратился к первой попавшейся медсестре и попросил найти Борисова. Та быстро прошлась по кабинетам, разыскивая врача. И опять этот больничный запах проникал в меня, возбуждая желание сбежать отсюда. Повезло, что Глеб появился быстро и я не успел это сделать.

– Капитан? – прищурившись, спросил он.

– Решил принять ваше предложение и проходить осмотр у вас. Думаю, вы не будете против?

– Пройдемте в кабинет, – кивнул он в ответ и пошел первым.

Если вдруг там будет Эмили, поздороваюсь и сделаю вид, что так и должно быть. Не очень красиво с моей стороны, но так проще. К счастью, когда мы вошли в кабинет, девушки там не оказалось. На ее столе лежали телефон, ручка, открытый документ. Складывалось впечатление, что она быстро уходила или ненадолго. Глеб предложил мне присесть, и, чтобы не встречаться с ней, я поторопился, чтобы закончить осмотр как можно скорее. Борисов задавал какие-то общие вопросы, но, когда предложил измерить давление, мы неожиданно услышали удар металлического предмета о кафель в смежном помещении.

– Эмили, это вы там? – переспросил сразу Глеб, надевая мне манжету тонометра.

– Да, Глеб, – ответила Эми, – у меня пациент – лейтенант Купер.

Купер? Что с ним? Вчера же было все нормально. Я напряг слух, чтобы услышать, чем они там занимались, но до меня доносился только тихий шорох.

– Со мной все в порядке, так, пара царапин, – отозвался Дэйв.

Пара царапин? Что за бред? Он в жизни ничего не сделал такого, чтобы появилась царапина. С каких пор у кабинетного питона появились раны? Я должен все увидеть сам. Сейчас как раз удобный случай, можно поздороваться с ними и заодно подсмотреть. Поэтому, когда Глеб закончил осмотр, я встал и направился к дверному проему между помещениями. Достаточно было просто туда заглянуть, чтобы понять, что там происходит. Эмили наклонилась над ладонью Дэйва, обрабатывая ее, и, не поднимая глаз, поздоровалась со мной. Пока мы перебрасывались словами с лейтенантом, я успел рассмотреть его руку. Там не было никаких царапин. И Эмили сидела с пинцетом. Это больше похоже на занозу. Он что, пришел к ней достать занозу? Это точно не похоже на Дэйва. Но я увидел достаточно, поэтому, оставив свое разрешение на столе, покинул кабинет.

Всю тренировку до обеда они не выходили у меня из головы. Что же Дэйву надо от Эмили? Прийти к ней с занозой… Смешно. Либо он что-то задумал, либо решил познакомиться с ней поближе. И хоть мне было плевать на нее, я чувствовал какую-то ответственность, как старший брат. По большому счету, как бы там ни было, но нас с ней связывало гораздо больше, чем с любым человеком здесь. Мне хотелось ее предупредить, чтобы с Купером вела себя осторожней. Если ему надо будет, он играючи сделает больно и пойдет дальше.

Закончив тренировку, переоделся в летный комбинезон и заглянул в столовую. Обычно перед полетом я не ел, но сейчас он намечался только через пару часов, поэтому еда успеет перевариться. Мой обед, состоящий из овощей и курицы, был съеден наполовину, когда я обратил внимание на звонкий смех Эмили, сидевшей с Дэйвом немного в стороне от меня. Эми что-то эмоционально рассказывала, размахивая руками. Такой я запомнил ее со школы. Но сейчас она была другой. По крайней мере, со мной.

Тогда, в школе, когда нас поставили в одну пару на выпускной танец, она меня удивила и заинтересовала. Она всегда вела себя так, что нельзя было понять, что думает обо мне на самом деле. Когда же на выпускном я перешел черту, которая нас разделяла, девушка перешла ее вместе со мной. И разбила этим все мое хорошее отношение к ней. Ей, как и большинству девушек, нужно было от меня одно из двух – статус девушки Рональда Кейдена или побывать в постели с Рональдом Кейденом. И одно из двух ей удалось. Мне казалось, она была другая. Более скромная. Чувственная. Загадочная. А на самом деле… Слилась с массой таких же пустышек, не умеющих сказать «нет». Остановить. Прекратить все это.

Сейчас мне было противно от того, что я представил, как Купер предложит ей встретиться у него в комнате, а она с радостью побежит. Ведь это так на нее похоже. Когда Эмили повернула голову и заметила меня, то ничего, кроме отвращения, она во мне не вызвала. Не доев, я встал из-за стола и, еще раз бросив на нее осуждающий взгляд, покинул помещение и направился в штаб.

Минут через двадцать с довольной улыбкой появился Дэйв, будто то, что он задумал, шло по плану. Получив свое задание на сегодня, я принялся его досконально изучать. Сегодня необходимо было нанести удар по одной скрытой базе террористов. Сложность была в том, что они находились в одном из ущелий в Андах. Есть вероятность, что придется штопором входить в требуемую зону, сбрасывать снаряд, а затем успеть подняться до взрыва.

Самолет был готов к полету. Разрешение получено. Запуск двигателя. Выезд на взлетную полосу. Полная концентрация. Взлет – одна из самых сложных частей. Крылья самолета длинные и низкие, нет права на ошибку. Быстро набрал нужную скорость, истребитель чутко реагирует на управление, и любое неверное движение может привести к непоправимому. Уверенно потянул ручку штурвала на себя. Отрыв. Набор высоты. Выровнял самолет. На скорости тысяча миль в час поднялся на огромную высоту. Пара минут – и я в стратосфере.

Это невероятно! Маневрирование многомиллионной машиной на запредельной скорости на внушительных перегрузках через бескрайние небеса. Отсюда наша планета выглядит другой. Совершенной. Идеальной. Уже отчетливо видно, что она круглая. А над головой… Над головой чернеет бесконечное космическое пространство. Тишина. Спокойствие. Выше меня только космонавты. В боковое окно светит солнце. Но тут оно совершенно иное. Не такое, как на земле. Особенно яркое. Разбавленная облаками атмосфера подо мной томно обволакивает Землю голубой каймой.

Я стремительно приближался к месту. Уже видны вершины гор. Пошел на снижение, пролетая над острой скалой.

– Земля, Земля, это Вирус. Я на месте. Прием, – вызвал диспетчера.

– Вирус, это Земля. Вас слышу. Доложите готовность, – ответили в наушниках.

– Готов! Снижаюсь.

– 6 000 футов, 5 000… – отсчитывала автоматика самолета. Резко направил самолет вертикально вниз. Машину завращало вокруг своей оси, и она вошла в штопор. – 4 000… 3 000. – Снижался и следил за приборами, – 2 000… – Земля совсем близко. – 1 000… 500…

Время замерло… Все длилось доли секунды… Выпустил снаряд, вывернул штурвал в сторону и на себя, уводя машину от места предполагаемого взрыва… 3…2…1… Взрыв… Повернул плоскость истребителя набок, протискиваясь между двумя скалами, поднял машину. Ощутив легкий толчок ударный волны, обернулся, осматривая самолет. Все в порядке. В стороне в небо поднимались ядовитые клубы дыма и огня. Еще одна дислокация боевиков ликвидирована.

Направляя самолет в сторону базы, снял шлем и вытер пот со лба. Шумно выдохнул. Надел шлем снова, вызвал диспетчера.

– Земля, Земля. Это Вирус. Прием.

– Вирус. Это Земля. Вас слышу. Доложите о выполнении.

– Задание выполнено. Террористы в квадрате «В» ликвидированы. Возвращаюсь на базу. Прием.

– Вас понял, Вирус. Отличная работа. Конец связи.

Кто переживал бы за меня, если бы я погиб? Мне вдруг представилось все это так явно. Вот я лежу в деревянном ящике. Все говорят, какой я был отличный летчик. Если повезет, прицепят посмертно медаль. Лиза… даже не знаю… наверное, расстроится, но больше оттого, что останется одна и не будет знать, как жить дальше. Родители… они так редко меня видят, что решат, будто я на очередном задании. Никто не будет скучать. Подумать только! Мне почти тридцать, а нет ни одного человека, ради которого хотелось бы жить и бросить эту службу. Может, поэтому я и лучший летчик, что не боюсь рисковать и выполнять сложные задания? Мне нечего терять. И нечем дорожить.

Я возвращался в казарму после выполнения задания. Уставший. Вымотанный. Единственным желанием было занять горизонтальное положение и отдохнуть. Выйдя на тротуар, ведущий к зданию, я заметил у госпиталя Эмили.

Она стояла, облокотившись о перила, и задумчиво смотрела на уходившее за горизонт бронзовое солнце. Легкий ветерок играл с прядями выбившихся из небрежно собранного наспех пучка темных, блестящих волос. Против воли я окунулся в воспоминания. Ее идеальный профиль, грациозная осанка и стройная фигура напомнили мне о нашем выпуском танце. Тогда я мог свободно прикасаться к ней, держа одну руку на талии, а другой сжимая нежную, хрупкую ладошку. Надеюсь, она так и не догадалась, что я специально во время танца прижимал ее сильнее к себе, чтобы почувствовать. Помню и изящную тонкую шею с дивным ароматом, и нежные, словно лепестки, губы. Как всегда не вовремя, мои мысли прервал неожиданно появившийся Купер, протягивающий ей букет каких-то цветов. Что же ему надо от нее? Он знал устав. Знал, что отношения внутри части, тем более во время военных действий, строго

запрещены. Или она так сильно ему понравилась, что он готов пожертвовать карьерой? Черт! Она начала занимать слишком много моих мыслей своим появлением. А сейчас я явно был третьим лишним.

Я вообще не понимал, что она тут делает. Надела халат врача и уже возомнила себя Гиппократом? Что-то я особо не заметил ее знаний. Так, давление измерить, пульс, занозу достать. Занимает чье-то место, а кто-то мог бы вместо нее реально проводить операции и спасать жизни. Да еще и просиживает целый день на стуле, набирая вес. Со мной – стерва, а с ним – королева.

Когда я вернулся в свою комнату, Люк, мой сосед, был уже там и, лежа на кровати, что-то читал.

– Прилетел? – оторвавшись от книги, спросил он.

– Ага, я в душ и спать, – буркнул, выбирая из шкафа чистую футболку, чтобы переодеться.

Люк снова уткнулся в книгу, знал, что после полетов лучше меня не трогать. Я вышел из комнаты и направился в душевую, которая находилась в отдельном одноэтажном здании вместе с прачечной. Там уже стирались чьи-то вещи, я бросил свой летный комбинезон в свободную стиральную машину, а сам пошел в душ. Когда прохладные капли начали покрывать кожу, закрыл глаза и с наслаждением расслабился после сложного полета. Перед глазами опять Эмили с Дэйвом. То, как он на нее смотрел, то, как она улыбалась в ответ. Да пошли они к черту! Оба! Пусть делает с ней, что хочет, раз она ничего не понимает и не видит. И ударив со всей силы кулаком о жесткую стену, быстро перекрыл воду и вышел из душа. Рука немного ныла, когда я натягивал одежду, но мне было плевать.

Вернувшись в прачечную, посмотрел на свою машинку. До окончания стирки оставалось десять минут, я сел на стул, прислонив голову к стене.

Меня разбудил сильный грохот, будто рядом что-то взорвалось. Я мгновенно подскочил и встретился с растерянным взглядом Эмили.

– Извини, – промямлила она, – не хотела тебя будить, – принялась собирать с пола выпавшее из рук ведро с одеждой. Я потер глаза, прогоняя сон и сел

обратно на стул. – Рон, – услышал голос девушки и поднял на нее глаза.

– Что?

– Извини за тот случай, – нерешительно начала она, – я не должна была так делать, с тобой на самом деле все в порядке, – теребя мокрые после душа волосы, оправдывалась она, – и… спасибо, что не выдал меня. – Избегая моего взгляда, Эми сидела на полу, гипнотизируя одну точку.

Чего она хотела от меня? Чтобы простил? Но зачем? Чтобы снова стал ходить к ней? А как же Купер? Или ей нужны все? Держать возле себя? Я не узнавал ту Эмили, с которой учился.

– Ладно. Но, думаю, нам не стоит общаться, чтобы не усложнять все еще больше, – предложил я.

– Хорошо, – громко выдохнув, сказала она, – если ты так хочешь…

– Я хочу? – перебил Эми. – Ты меня вынуждаешь. Я думал, мы взрослые люди и можем оставить все прошлом. Но ты решила развести детский сад, начав мне мстить. Я не узнаю тебя. Ты изменилась.

– Хм… изменилась, – махнула головой. А потом вцепилась своим взглядом в меня. – Ты меня изменил. Меня и мое отношение ко всему. Это было мерзко.

– Что-то я не помню, чтобы ты особо сопротивлялась?

– Знаешь что? – выпалила, но потом осеклась, не договаривая чего-то. – Иди к черту, – поднялась с пола и направилась в сторону выхода.

– Что значила та записка? Чего я не слышу и не вижу? – спросил я, уточняя, что же это значит. Ведь так и не понял ничего.

– А что тут непонятного? Ты видишь и слышишь только то, что хочешь, а не то, что есть на самом деле.

– То есть я неправильно все понял, когда там, в твоей комнате, ты хотела, чтобы я тебя поцеловал?

Эмили округлила глаза, не ожидая от меня такого вопроса. А я почему-то был уверен, что все понял правильно и видел ее такой, какой она являлась на самом деле.

Жестко припечатав меня взглядом, опять буркнула что-то на латыни, развернулась и вышла, оставив мой вопрос без ответа.

Меня начинали напрягать ее фразы, которых я не понимал и, соответственно, не мог ответить.

***

В кои-то веки у меня выдался выходной. Я хотел провести его с механиком и пересмотреть мой истребитель. Мы так увлеклись им, что освободились только вечером. На ужин опоздал. Зато ни Купера, ни Эмили в столовой уже не было. Легко поужинав, я немного передохнул у себя в комнате и пошел на тренировку. В тренажерке стоял полумрак. Где-то в стороне был скрип, кто-то уже занимался. Запах кожи и резины будоражил мышцы. Не обращая ни на кого внимания, я размялся и пошел на турник подтянуться. Переходя между тренажерами, медленно прокачивал каждую мышцу. Сев на очередной лицом к залу, взялся за ручки и принялся не спеша двигать руками вверх-вниз, поднимая груз. Мой взгляд задержался на девушке в обтягивающем костюме. Она, пританцовывая в наушниках и не замечая меня, подошла к тренажерам напротив.

Когда же она развернулась и села, я замер, уж никак не ожидая увидеть ее здесь. Эмили? Врач? В тренажерке? Ей же надо беречь руки. Если она врач, конечно. Она начала делать упражнения, сосредоточившись на одной точке. Когда она в какой-то момент повернула голову в мою сторону и встретилась со мной взглядом, то замерла на пару секунд, как и я, явно не ожидая меня тут увидеть. Слишком часто мы с ней случайно встречались. Мне даже показалось, что она специально это делала. Но сегодня она выглядела ошарашенно, как и я ее, впрочем. Быстро отведя взгляд, она о чем-то задумалась и продолжила упражнения, но уже не так рьяно. Я бросил на нее еще пару взглядов исподлобья. Похоже, она часто тренируется, у Эмили отличная фигура. И если

раньше все было спрятано под одеждой, то сейчас наоборот. Неужели я в чем-то ошибся, думая, что она протирает кресло в кабинете? Смотрел и невольно расплывался в улыбке от того, как она пыталась сделать серьезный сосредоточенный вид, но у нее это слабо получалось.

8 миль над землей. Эмили

… Думаю, нам не стоит общаться, чтобы не усложнять все еще больше…

Вспоминала его слова на следующий день, собираясь на работу. Перестать общаться можно. Только как убить воспоминания? Как выжечь тебя из сердца? Как забыть? Как перестать волноваться, когда ты очередной раз летишь на задание? Вчера я даже согласилась встретиться вечером с Дэйвом, чтобы выведать между делом, как ты слетал. Хотя, узнав в обед об этом опасном полете, в который он же тебя и отправлял, мне захотелось придушить Купера. Хоть и понимала, что это его работа. Ему тоже кто-то приказывает.

Теперь, когда я знала, что с Роном все в порядке, стало спокойней. Хотя он, кажется, решил воплотить свою идею в реальность. Мы с ним не то, что не общались, даже не встретились ни разу за целый день. Ни в столовой, ни в госпитале, ни на улице. А я, каждый раз покидая свой кабинет, отчаянно искала глазами того, кто совсем не хотел быть замеченным.

Словно лавируя между миссиями какой-то игры, до вечера я выполнила бесконечное количество заданий. Больные. Раны. Перевязка. Шрамы. Увечья. Бинты. Скальпель. Шприцы. Единственным желанием было закончить этот день и отвлечься. Сбросить напряжение. Только не отлеживаясь в кровати, а где-нибудь в тренажерном зале. А лучше у боксерской груши. Она уж точно поймет мое состояние и все стерпит.

Что-что, а заботиться о своих солдатах американская армия умела. В шикарно оснащенном спортивном зале было достаточно тренажеров и другого оборудования для тренировок. Оно и понятно, ведь невыносливый, слабый летчик быстро устанет и не сможет выполнить задание, которое от него требует руководство.

В зале практически не было людей. То ли все занимались днем, то ли были на вылетах, но так даже лучше. Меньше будет взглядов в мою сторону. Вставив наушники, я включила сначала расслабляющую мелодию. Разминая и разогревая тело, тщательно подготавливала каждую мышцу. Упираясь руками в пол, заняла положение лежа и начала отжиматься. С виду хрупкий врач, на самом деле я была довольно вынослива.

С мужчинами, конечно, соревноваться я бы не стала, но женщинам бы фору дала. Напряжение мышц, чтобы выжать из себя максимум отжиманий, болью отдавалось в руках. Несколько подходов, в перерывах расслабление. Я входила в свой обычный ритм. Лежа на полу, прокачивала пресс. Как же меня будоражили и возбуждали эти жжение, боль, тяжесть в мышцах от упражнений. Двигалась в такт музыке, не останавливаясь, до боли, а потом максимально расслабляясь.

Закончив, отдышалась и встала, чтобы перейти на тренажеры. Я окинула взглядом весь ряд и, выбрав подходящий для спины, установила нужную нагрузку. Прикрыв глаза от предвкушения, села лицом к противоположной стене тренажеров. Глубоко вдохнув и выдохнув, взялась за ручки и начала упражнение, сливаясь с музыкой и растворяя в ней все напряжение. Через несколько движений я открыла наконец глаза. И замерла, словно меня заколдовали.

Рон сидел немного в стороне и наблюдал за мной. Черт! Что он тут делает? И тут же сообразила, что видела, как кто-то занимается, но не хотела ни с кем встречаться и общаться, поэтому сделала вид, что не заметила. Одни в тишине и полумраке большого спортзала, разбиваемого только металлическом звоном. Моргнув пару раз, возвращаясь в реальность, я отвернулась от парня и, уставившись в одну точку, продолжила упражнения. А перед глазами предательски всплывал увиденный минуту назад образ. Сексуально взъерошенные волосы. Капельки пота, выступившие на лбу и прозрачными струйками стекавшие по шее. Уверенные, мощные движения руками, отчего бицепсы готовы были разорвать футболку, скрывавшую остальное тело.

Я пыталась сосредоточиться на тренировке, вспоминая правильную технику выполнения упражнения. Так, вдох – усилие, выдох – расслабление. Вчера он явно дал понять, чтобы все осталось в прошлом. И даже настоящего у меня нет. В это было так больно верить. Словно все это сон. Проснусь – и мы вместе. Поймав взглядом его руку, очередной раз возненавидела это чертово кольцо. Я обязательно попробовала бы его вернуть, если бы не жена. Глянув мельком на

его лицо, попала в омут глаз и загадочной ухмылки. Надеюсь, капли пота, выступившие на моем лице, которое мгновенно бросило в жар, не сложатся во фразу «я все еще люблю тебя».

Рон неожиданно разорвал нашу зрительную ниточку, повернул голову в сторону и махнул кому-то рукой. Я следом за ним перевела взгляд. В зал вошел невысокий парень. Видно было, что он часто посещает спортзал, но одновременно у него был небольшой живот и мышцы не так четко очерчены. Среди летчиков я его не встречала. Значит, вероятно, кто-то из штаба. Возможно, как Дэйв.

Парень кивнул мне головой с явными залысинами, несмотря на молодой возраст. И хотя круглое лицо и крупный нос не делали его красавцем, но что-то в его искренней улыбке и мягком прищуре глаз располагало к себе открытостью и простотой. Я кивнула в ответ. Музыка у меня в ушах заглушала весь их разговор. Но, судя по тому, что они переглядывались между собой, бросая периодически взгляды на меня, речь шла обо мне.

Мне бы сейчас вызвать землетрясение и провалиться под землю. Не люблю быть третьим лишним, особенно когда один мужчина спрашивает что-то у другого и оба смотрят на меня. Отвернувшись от них, продолжила качать спину, хотя хотелось побыстрее исчезнуть с их глаз. Заметив боковым зрением приближающуюся ко мне фигуру, перевела взгляд. Прямо на меня шел, словно паровоз, незнакомец. Остановив тренажер, я сбросила один наушник.

– Привет, – улыбнулся он.

– Привет, – кивнула в ответ, не понимая, что ему от меня надо и как себя с ним вести.

– Я Люк, Рон говорит, что вы наш новый врач? – кивнув в сторону Рональда, спросил он.

– Да, я ваш новый врач, Эмили Уотсон, – протянула ему руку.

Он сжал своей крупной теплой ладонью мою, а потом потянул руку на себя и нежно поцеловал тыльную сторону ладони. Ого! Вот уж от кого, а от этого медвежонка я не ожидала такой галантности. Но улыбнулась в ответ. Мне

определенно нравился этот парень. Да и кольца у него не было, как у некоторых. По звуку металла за спиной Люка я поняла, что Рон тренируется. Хотя меня больше интересовало, наблюдал ли он за нами.

– Я работаю в столовой, если что-то будет надо, обращайтесь, – подмигнул он, отпуская мою руку.

– Рональд умеет заводить нужные знакомства, – рассмеялась я.

– Да уж, точно, – поддержал меня смехом он, – на самом деле мы живем в одной комнате. А вы, случайно, не та самая врач, что не пустила его в полет?

Я заговорщицки усмехнулась в ответ, думаю, он все понял.

– Он рассказывал, что вы были знакомы раньше, – вдруг сказал Люк,– но в подробности не вдавался. Не знаю, зачем я тебе это говорю, но он, с одной стороны, сильный и независимый, а с другой очень несчастный человек.

Склонившись немного в сторону, поглядела на Рона. Он не выглядел несчастным. Уверенный, целеустремленный. Встретившись с ним взглядом, быстро перевела глаза на Люка.

– Зачем ты мне это рассказал?

– Подумал, раз вы давно знакомы, может, ты сможешь расшевелить его, – глядя в глаза попросил он. – Ладно, не буду отвлекать. Если что, обращайся, и если Рон обидит, тоже, – подмигнул мне.

Я натянуто улыбнулась в ответ и, встав, быстро отошла подальше от этой парочки. Внутри все закипало от слов Люка. Схватила попавшиеся на глаза боксерские перчатки и, надев их, спустила пар на груше. Зачем мне это знать? Он женат, и Люк должен быть в курсе. Удар! Еще! Мы знакомы? Еще как знакомы.

До боли стиснув челюсти, продолжала бить по груше. Меня никто не захотел пожалеть, когда я была несчастна. И он знал это. Знал. И ничего не сделал! Выбившись из сил, скинула перчатки и, переключив плейлист на медленные

ритмы, легла, спиной соприкоснувшись с покрытием в зале. Мне надо было расслабиться и успокоиться.

В наушниках заиграла грустная мелодичная песня, от которой в памяти возникли события десятилетней давности, щемящие и разрывающие душу…

Еще со средней школы мне безумно нравился этот мальчик-уголек Рон. Когда жгуче-черная копна волос возвышалась над остальными учениками, я всегда замирала, украдкой наблюдая за ним. Рон же напоминал крота, что комфортно чувствует себя в своей среде, но не видит того, кто у него под носом. А возле него всегда была я. Поддерживала, помогала, оставаясь при этом лишь другом или сестрой. До конца учебного года оставалось доучиться несколько месяцев, потом мы разъедемся по университетам в другие города. После этого я смогу навсегда похоронить эти безответные чувства.

Но все поменялось в один день, давая еще один шанс провести с ним время, а вместе с этим и надежду, что Рон изменит свое отношение ко мне.

Всех выпускников собрали в большом зале для формирования пар для выпускного вальса. Перед нами стояли две коробки с именами парней и девушек. Помощник директора медленно доставала по очереди наши имена, создавая пары. Когда я услышала имя Рона, мое сердце ускорилось, выбрасывая в вены дозу адреналина. Мысли словно в вакууме.

Помощник медленно опустила руку в коробку с женскими именами и громко шуршала, перебирая пальцами бумажки. Возникало ощущение, что она тянула выигрышный билет, а не пару для парня. Вся женская часть зала замерла в предвкушении услышать свое имя. В воздухе витала смесь волнения и сладостного предвкушения.

Я закрыла глаза и, глубоко вдохнув, представила бумажку с моим именем. Пару секунд молчания. Хруст развертывающейся бумаги. Нервно сглатывала, сдерживая волнение.

– Эмили Уотсон, – услышала свое имя, и тело обволокла колющая дрожь, от которой стало зябко в душном помещении. Распахнув глаза, увидела завистливые взгляды девчонок и осознала: это не сон. Мой шанс. Моя надежда.

Моя попытка.

Пробираясь сквозь стулья, поспешно подошла к Рону, он улыбнулся и кивнул мне.

***

Эта была лучшая весна в моей жизни. Все расцветало, превращаясь из маленьких неприметных почек в цветы. Большие, ярко-возбуждающие, с манящими нежными лепестками. Я с трепетом ожидала каждой тренировки. Сильные руки, поддерживающие мою талию и сжимающие крепко ладонь, дурманящий аромат сандала, уносящий из помещения куда-то в пустыню. Душа изнывала от жажды быть с ним, касаться его губ, смотреть в каре-шоколадные глаза, желая утонуть в них навсегда. Это сблизило нас, мы стали проводить больше времени вместе, но переступать какие-то границы он не спешил.

День выпускного. Легкое волнение и дрожь придали нашему танцу особый шарм. Это было словно признание в моих чувствах. Настолько я была чувственная, внимательная, и что-то все же растаяло между нами за это время.

Вечером, на празднике, немного выпив, видимо, для смелости, Рон стал раскованней и пригласил меня прогуляться. Он что-то рассказывал, смеялся, я поддерживала его, но все было, как в дурмане. Едком. Жгучем. Прожигающем до глубины сердца. Я пришла в себя, только когда он, заведя меня в беседку за школой, прижал к стене и обхватил мою нижнюю губу своими. Ни слова. Ни взгляда. Но мне было достаточно этого. Наконец моя влюбленность перерастала в любовь, обретая очертания и ощущения.

Грубые руки нырнули под блузку, жадно исследуя кожу. Когда его рука проникла туда, где не был еще ни один парень, я окончательно поняла, что он хочет меня. А хочет – значит любит. Для меня это было очевидно.

Эти мягкие нежные губы, вкус которых я не спутаю теперь ни с чем. Осмелилась тоже запустить ему руку под рубашку и дотронуться подушечками пальцев до кожи. Сердце впитывало наслаждение, а руки забыли о стеснении.

Я смело отдала ему то, что так бережно хранила, сливаясь в одно целое. Не так я себе представляла свой первый раз, но ради того, чтобы он был рядом со мной,

чтобы не потерять его, готова потерпеть. Все закончилось довольно быстро, не принесло ожидаемого удовольствия, но ощущение, что теперь он мой, грело душу.

Когда открыла глаза и поправила одежду, осмелилась взглянуть на него. Но встретилась с пустыми бездонными глазами. На секунду увидела в них страх и сожаление. А потом и вовсе что-то непонятное. Мне хотелось еще раз его поцеловать, прижаться, но он чмокнул меня в лоб и отошел, выдавливая из себя улыбку.

– Я позвоню, – сказал напоследок и исчез.

Проснувшись на следующий день, первым делом кинулась проверить телефон, но ни звонков, ни сообщений не было. Наверное, Рон еще спит. Трепетное ожидание его звонка. Услышать его голос. Прикоснуться к любимым и желанным губам. Уровень напряжения зашкаливал. Скорлупа от яиц крошилась в моих руках, падая прямо в яичницу, кофе проливался на скатерть, оставляя на ней темное пятно. А он так и не звонил.

Услышав такой долгожданный сигнал, я подскочила, хватая телефон. Неуклюже взяв за край, выпустила из рук. Тот разлетелся и рассыпался горохом по полу, а я судорожно пыталась скорее его собрать. Это наверняка Рон. С ним все в порядке. Он просто был занят, твердила себе, собирая телефон в кучу.

Долгое томительное включение.

– Быстрее, быстрее включайся, чертов мобильник, – ругала я телефон, будто он мог что-то сделать быстрее, чем делал обычно. Наконец экран загорелся, я надавила сильнее на экран в иконку звонков, хотела поскорее перезвонить ему. Последние вызовы… Линда. Это была Линда… Моя одноклассница. Сквозь выступившие в уголках глаз слезы я еще раз проверила журнал вызовов. Это была она, звонила две минуты назад. Других звонков не было. Он так и не перезвонил сегодня. Что-то случилось. А может, он сильно занят. Такое вполне может быть. Он не забыл. Он не мог забыть после всего, что у нас было. Завтра перезвоню ему сама.

***

Всю ночь ворочаясь от кошмаров, я проснулась разбитая и подавленная. Накрученная ночными переживаниями, схватила телефон и не задумываясь набрала его номер, чтобы узнать, что с ним все в порядке. Гудок, другой, третий…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/timofeeva_ol-ga/mili-do-tebya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить